

Клетка короля
Виктория Авеярд

Young Adult. Мировой бестселлер Виктории Авеярд
Алая королева #3
Культовый мировой бестселлер.

Мэра Бэрроу – беспомощная узница, лишенная возможности призвать свою молнию. Она находится во власти жестокого человека, которого однажды любила. Его сердце – камень, а душа – мрак. Ради власти он готов на все. Но сломить и подчинить Мэру не так просто. Тем более девушка знает, что помощь придет, а Норта, блистательное королевство, будет полыхать в огне ее гнева. И на этот раз Мэра спалит все до тла...

Виктория Авеярд

Клетка короля

Никогда не сомневайся в том, что ты значим и силен, что имеешь право использовать все шансы, все возможности, чтобы воплощать свои мечты.

Хиллари Клинтон

King's Cage Copyright

© 2017 by Victoria Aveyard

Endpapers and map © & ™ 2017 by Victoria Aveyard, All rights reserved.

Jacket art © 2017 by John Dismukes

Jacket design by Sarah Nichole Kaufman

Endpapers and map illustrated by Amanda Persky All rights reserved. No part of this book may be used or reproduced in any manner whatsoever without written permission except in the case of brief quotations embodied in critical articles and reviews

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1. Мэра

Я поднимаюсь на ноги, когда он мне позволяет.

Цепь, прикрепленная к шипастому ошейнику, тянет вверх. Края впиваются в кожу – не настолько глубоко, чтобы пустить кровь. Пока что. Но запястья у меня уже окровавлены. Я стерла их за много дней, проведенных без сознания, в грубых, раздирающих плоть оковах. Белые рукава окрашены темно-красным и ярко-алым – засохшие пятна и свежие, которые свидетельствуют о пережитом испытании. Кровь показывает придворным, сколько я уже выстрадала.

Мэйвен стоит надо мной с непонятным выражением лица. Зубцы отцовской короны делают его еще выше, как будто железо растет прямо из черепа. Корона блестит. Каждый зубец – изгибающийся черный язык пламени, увенчанный бронзой и серебром. Я сосредотачиваюсь на этой мучительно знакомой вещи, чтобы не смотреть Мэйвену в глаза. Он всё равно подтаскивает меня ближе, держась за другую цепь, которой я не вижу. Только чувствую.

Белая рука обхватывает мое израненное запястье – довольно ласково. Против собственной воли я обращаю взгляд на лицо Мэйвена, больше не в силах отворачиваться. Его улыбку не назовешь доброй. Тонкая и острая, как бритва. Каждый зуб словно впивается в меня. А хуже всего – глаза. Это ее глаза, глаза Эллары. Когда-то я считала их холодными, сделанными из живого льда. Теперь я знаю точно. Самый жаркий огонь горит синим, и глаза Мэйвена – не исключение.

Тень пламени. Мэйвен уж точно пылает, но вокруг него – тьма. Под глазами, испещренными серебристыми прожилками, залегли черные и синие пятна, похожие на следы побоев. Мэйвен давно не спал. Он похудел, стал более поджарым и жестоким. Его волосы, черные, как бездна, отросли до ушей и вьются на концах, щеки по-прежнему гладкие. Иногда я забываю, какой он молодой. Как молоды мы оба.

Под платьем ноет буква М, выжженная на груди.

Мэйвен быстро поворачивается, крепко держа цепь в кулаке и вынуждая меня двигаться вместе с ним. Я – как луна, которая вращается вокруг планеты.

– Будьте свидетелями моей победы, посмотрите на эту пленницу, – говорит Мэйвен, расправляя плечи перед многочисленной публикой.

По меньшей мере триста Серебряных знатных и не очень, военных и штатских. Я с особой остротой осознаю присутствие Стражей неподалеку; яркие плащи постоянно напоминают о моей быстро сужающейся клетке. Охранники-Арвены тоже держатся в поле зрения – их белая форма слепит меня, а способность душит. Впору задохнуться от их давящего присутствия.

Голос короля эхом разносится по великолепным просторам площади Цезаря, и толпа отзывается. Очевидно, повсюду расставлены микрофоны и динамики, которые передают ужасные слова короля всему городу – и, несомненно, всему королевству.

– Вот предводитель Алой гвардии, Мэра Бэрроу.

Несмотря на свое затруднительное положение, я едва удерживаю смехок. «Предводитель». Смерть матери не мешает Мэйвену врать.

– Убийца, террористка, смертельный враг нашего королевства. Теперь она стоит на коленях перед нами, и все видят ее кровь.

Цепь снова натягивается, вынуждая меня торопливо рысать вперед, вытянув руки, чтобы не потерять равновесия. Я тупо повинуюсь, опустив глаза. Сплошной спектакль. Гнев и стыд охватывают меня, когда я понимаю, какой ущерб это простое действие нанесет Алой гвардии. Красные по всей Норте увидят, как я пляшу под дудку Мэйвена, и решат, что мы слабы, побеждены, недостойны их внимания, усилий, надежды. Тогда как это страшно далеко от правды. Но я ничего не могу сделать – не здесь, не сейчас, когда всецело завишу от милосердия Мэйвена. Я думаю про Корвиум – город-крепость, где мы видели пожары по пути в Чок. После нашего сообщения в эфире там случился бунт. Это был первый революционный взрыв – или последний? Мне не суждено узнать. Сомневаюсь, что кто-нибудь удосужится принести пленнице газету.

Кэл предупредил меня об опасностях гражданской войны уже давно, еще при жизни отца. До того как он потерял всех, кроме взрывной девочки-молнии. «Мятеж на обеих сторонах», – сказал он. Но стоя здесь, на поводке, перед придворными Мэйвена и его Серебряными подданными, я не вижу никакого раскола. Хотя я показала им всё, что могла, рассказала про выстроенную Мэйвеном тюрьму, про близких, которых у них отняли, про то, как король и его мать предали их доверие, для Серебряных я по-прежнему – враг. От этого влору кричать, но я не стану. Голос Мэйвена всегда будет громче моего.

«Мама и папа тоже это видят?» Меня вновь охватывает грусть, и я с силой прикусываю губу, чтобы сдержать слезы. Несомненно, где-то рядом стоят видеокамеры, нацеленные мне в лицо. Я это знаю, хотя не чувствую их. Мэйвен не упустит возможности запечатлеть мое падение.

«Сейчас они увидят, как я умру?»

Ошейник намекает, что нет. Зачем устраивать такой спектакль, если Мэйвен намерен просто меня прикончить? Другой человек, вероятно, ощутил бы облегчение, а у меня внутренности холодеют от страха. Он не подарит мне смерть. Только не Мэйвен. Я чувствую это в его прикосновении. Его длинные, бледные пальцы по-прежнему обхватывают мое запястье, а вторая рука сжимает поводок. Даже теперь, когда я целиком принадлежу ему, он не желает меня отпускать. Я бы предпочла казнь этой клетке, извращенному пристрастию безумного мальчика-короля.

Я помню его записки, каждая из которых кончалась словами «До встречи».

Мэйвен продолжает говорить, но его голос отдается в моей голове глухо, как жужжание шершня, который подлетел слишком близко. Я оборачиваюсь, и мой взгляд падает на толпу придворных. Все они стоят, гордые и мерзкие, в траурных нарядах. Лорд Воло из Дома Самоса и его сын, Птолемус, великолепны в своих черных полированных доспехах с чешуйчатой серебряной перевязью от бедра до плеча. При виде Птолемуса я чувствую жгучий алый гнев. Я подавляю желание броситься и ободрать ему ногтями все лицо. Поразить в сердце, как он сделал с моим братом. Это желание отражается в моих глазах, и у Птолемуса хватает наглости ухмыльнуться. Если бы не ошейник и не молчаливые охранники, ограничивающие меня во всем, я бы превратила его кости в дымящееся стекло.

Отчего-то его сестра, которая некогда была моим лютым врагом, не смотрит на меня. Эванжелина, в платье, покрытом шипами из черного хрусталя, –

неизменная сверкающая звезда этого жестокого созвездия. Наверное, она скоро станет королевой – она вытерпела уже достаточно долгую помолвку. Ее взгляд устремлен в спину короля; темные глаза, горя, сосредоточенно изучают его затылок. Ветерок шевелит блестящую волну серебряных волос и отдувает их с плеч, однако Эванжелина не движется. Она далеко не сразу замечает, что я смотрю на нее. И даже тогда она едва взглядывает на меня. Ее глаза пусты, лишены эмоций. Я больше не стою внимания леди Самос.

– Мэра Бэрроу – пленница короны, и она предстанет перед судом короля и совета. Она должна ответить за свои многочисленные преступления.

Интересно, каким образом?

Толпа ревет в ответ, приветствуя решение Мэйвена. Это всё Серебряные, но попроще, не благородного происхождения. Они радуются словам короля, но двор никак не реагирует. Более того, некоторые сереют, их лица становятся злыми, каменными. Особенно Дом Мерандуса. Их траурные наряды испещрены темно-синими полосами – это проклятый цвет мертвой королевы. В то время как Эванжелина не обращает на меня внимания, они вглядываются в мое лицо с пугающей сосредоточенностью. Со всех сторон – пылающие синие глаза. Я ожидаю услышать в голове шепот. Десятки голосов, вроде червей в гнилом яблоке. Но в моем сознании тишина. Возможно, Арвены играют роль не только тюремщиков, но и защитников – они подавляют мою способность, а заодно и способности тех, кто мог бы обратить свою силу против меня. Очевидно, это приказ Мэйвена. Никто не смеет повредить мне здесь.

Никто, кроме него.

Но всё уже болит. Больно стоять, больно двигаться, больно думать. От падения, от сонара, от невыносимой тяжести молчания. И это только физическая боль. Синяки. Трещины в костях. Боль, которая пройдет, если дать время. За остальное не поручусь. Мой брат погиб. Я пленница. И я не знаю, что на самом деле произошло с моими друзьями в тот день, невесть сколько времени назад, когда я заключила эту дьявольскую сделку. Кэл, Килорн, Кэмерон, мои братья Бри и Трами. Мы оставили их там, на поле, но они были ранены, обездвижены, беззащитны. Мэйвен мог отправить к ним отряд убийц, чтобы довершить начатое. Я обменяла себя на остальных – и даже не знаю, был ли в этом смысл.

Мэйвен ответил бы, если бы я спросила. Я вижу это в его лице. После каждой жестокой фразы глаза короля обращаются на меня, подчеркивая очередную ложь, которую он скармливает своим восторженным подданным. Он желает убедиться, что я смотрю на него, наблюдаю, внимательно слушаю. Какой же он ребенок.

Я не стану умолять Мэйвена. Не здесь и не так. У меня достаточно гордости.

– Мои отец и мать погибли, сражаясь с этими зверями, – гневно продолжает Мэйвен. – Они пожертвовали жизнью, чтобы сохранить королевство. Защитить вас.

Хоть я и побеждена, но невольно вскидываю голову и отвечаю шипением на огненный взгляд Мэйвена. Мы оба помним, как умер старый король. Как его убили. Королева Элара внушила свою волю Кэлу, превратив любимого принца-наследника в смертоносное оружие. Мы с Мэйвеном наблюдали, как Кэла вынудили стать убийцей отца, отсечь королю голову и лишиться всех шансов на корону. Я видела с тех пор много ужасных вещей, но это воспоминание по-прежнему меня преследует.

Я, в общем, не помню, что случилось с королевой при штурме Корроса. Состояние ее трупa служило достаточным свидетельством того, что может сделать с человеческой плотью необузданная молния. Я знаю, что убила ее без сомнений, без сожалений, без раскаяния. Внезапная гибель Шейда породила бешеную бурю. Мое последнее отчетливое воспоминание о битве за Коррос – это падающий брат, пронзенный неумолимой, холодной стальной иглой Птолемуса. Каким-то образом тот скрылся от моей слепой ярости, а королева нет. По крайней мере, мы с полковником постарались, чтобы мир узнал о судьбе Элaры, и продемонстрировали ее тело во время эфира.

Жаль, что Мэйвен не обладает способностями покойной королевы – тогда он заглянул бы ко мне в голову и увидел, какой именно конец постиг его мать. Я хочу, чтобы он испытал боль потери с той же силой, как я.

Он не сводит с меня глаз, заканчивая свою заученную речь. Одну руку Мэйвен вытянул, чтобы получше показать цепь, связывающую нас. Всё, что он делает, – отработано и доведено до совершенства ради наилучшего впечатления.

– Я клянусь продолжить их дело, положить конец Алой гвардии и истребить чудовищ вроде Мэры Бэрроу – или умереть.

Мне хочется крикнуть: «Ну так умри!»

Рев толпы заглушает мои мысли. Сотни людей приветствуют своего короля и его тиранию. Я плакала, пока шла по мосту, на глазах у стольких Серебряных, обвинявших меня в гибели близких. Я до сих пор чувствую слезы на щеках. И теперь впору заплакать вновь, не от грусти, а от гнева. Как они могут верить ему? Как могут глотать эту ложь?

Меня поворачивают, как куклу. Собрав остаток сил, я вытягиваю шею и ищу взглядом камеры – глаза всего мира. «Смотрите внимательно, – прошу я. – Поймите, что он лжет». Я сжимаю зубы и сужаю глаза, выражая (надеюсь) непокорство, мятеж и ярость. «Я – девочка-молния. Я – буря». Но такое ощущение, что это тоже ложь. Девочка-молния мертва.

Но я обязана сделать последнее усилие ради нашего дела, ради людей, которых я люблю и которые еще свободны. Они не увидят, как в эту минуту я спотыкаюсь. Нет, я устою. Понятия не имею как, но я должна продолжать борьбу, даже здесь, в чреве зверя.

Еще один рывок – и я разворачиваюсь лицом к придворным. Серебряные холодно смотрят на меня; цвет их кожи оттеняют синие, черные, фиолетовые тона, лишённые жизни. В жилах этих людей, скорее, сталь и алмазы, чем кровь. Они изучают не меня, а Мэйвена. И в их глазах я читаю ответ. В них я вижу алчность.

На долю секунды я испытываю жалость к мальчику-королю, который так одинок на троне. А потом, в глубине души, чувствую дразнящий прилив надежды.

«Ох, Мэйвен. В какую же историю ты влез».

Остается лишь гадать, кто нанесет первый удар.

Алая гвардия – или эти дамы и господа, готовые перерезать Мэйвену горло и отнять все, ради чего погибла его мать.

Он передает мой поводок одному из Арвенoв, как только мы покидаем крыльцо дворца, и торопливо отступает в опромную переднюю. Странно. Мэйвену так

не терпелось меня вернуть, посадить в клетку – и вот он отбрасывает цепь, даже не взглянув на свою добычу. «Трус», – говорю я себе. Ему не хватает сил посмотреть на меня, когда мы не на публике.

– Ты сдержал обещание? – с трудом дыша, спрашиваю я.

Голос, которым я столько дней не пользовалась, звучит хрипло.

– Ты – человек слова?

Мэйвен не отвечает.

Остальные придворные заходят следом. Их ряды движутся без заминок, основываясь на замысловатых правилах этикета. Только я тут неуместна – первая следую за королем, в нескольких шагах позади него, там, где должна идти королева. Но никогда еще я не была так далека от этого титула.

Я смотрю на самого крупного из своих тюремщиков, надеюсь разглядеть в нем что-то, кроме слепой верности. Он в белой форме, потной, пуленепробиваемой, застегнутой до горла. И в блестящих перчатках. Не шелк, а резина. Я вздрагиваю при этом зрелище. Несмотря на свою удушающую способность, Арвены не намерены полагаться на удачу, имея дело со мной. Если моей искорке удастся выскользнуть из-под контроля, перчатки защитят их руки и позволят и дальше удерживать меня в ошейнике, в оковах, в клетке. Этот здоровенный Арвен не смотрит в мою сторону – его взгляд устремлен вперед, губы сосредоточенно поджаты. Второй ведет себя точно так же – он шагает с другой стороны, в ногу с братом (или кузенном). У обоих блестящие лысые макушки, и я вспоминаю Лукаса Самоса. Моего добродушного стража и друга, которого казнили из-за того, что я существовала, – и потому что воспользовалась им. Повезло, что Кэл приставил ко мне такого приличного Серебряного в качестве тюремщика. Впрочем, я понимаю, что мне и сейчас везет. Равнодушных стражей будет проще убить.

Потому что они должны умереть. Как-то. Каким-то образом. Если я намерена сбежать, если намерена вернуть себе свою молнию, они – первое препятствие на моем пути. Следующие цели вычислить нетрудно. Стражи короля, прочие охранники и сотрудники безопасности, рассеянные по дворцу, ну и, разумеется, сам Мэйвен. Я не уйду отсюда, не оставив здесь труп – его или собственный.

Я думаю, как бы убить Мэйвена. Обвить цепь вокруг шеи и выдавить жизнь из его тела. Эти мысли отвлекают меня от осознания того, что с каждым шагом я углубляюсь в недра дворца – по белому мрамору, вдоль высоких блестящих стен, под десятками люстр с хрустальными лампами в виде языков пламени. Всё такое же прекрасное и холодное, как раньше. Тюрьма с золотыми засовами и алмазными решетками. По крайней мере, мне не придется столкнуться с самым жестоким и опасным тюремщиком. Старая королева мертва. Тем не менее я дрожу при одной мысли об Эларе Мерандус. Ее призрак витает у меня в голове. Однажды она ворвалась в мои воспоминания. Теперь королева стала одним из них.

Какая-то фигура в доспехах возникает в поле моего зрения – она огибает охрану, втискиваясь между королем и мной. Он движется в одном темпе с нами – это Страж, пусть даже на нем нет маски и плаща. Очевидно, он знает, что я думаю, как бы удавить Мэйвена. Я прикусываю губу и готовлюсь к болезненному вторжению шепота.

Но нет, этот человек не из Дома Мерандуса. На нем черная, как обсидиан, броня, у него серебряные волосы, а кожа светлая, как луна. А глаза, когда он бросает на меня взгляд через плечо... они черны и пусты.

Птолемус.

Я бросаюсь вперед, сама не понимая, что делаю, и ни о чем не беспокоюсь. Любой ценой – оставить на нем шрам. Интересно, серебряная кровь на вкус такая же, как красная?

Мне не суждено это узнать.

Ошейник тянет назад, так резко, что спина у меня выгибается дугой и я валюсь на пол. Чуть сильнее – и я сломала бы шею. От удара головой о мраморный пол мир вокруг плывет, однако этого недостаточно, чтобы меня удержать. Я с трудом поднимаюсь, глядя на покрытые броней ноги Птолемуса, который разворачивается ко мне. Я вновь бросаюсь к нему – и снова ошейник не пускает.

– Хватит, – шипит Мэйвен.

Он остановился, чтобы полюбоваться моими жалкими попытками отплатить Птолемусу. Вся процессия тоже остановилась; придворные струдились, чтобы посмотреть, как жалкая красная крыса тщетно пытается бороться.

Ошейник как будто стягивается, и я с трудом сплываю, хватаясь за горло.

Мэйвен не сводит глаз с сужающейся полосы металла.

– Эванжелина, я сказал: хватит.

Невзирая на боль, я поворачиваюсь и вижу ее у себя за спиной. Она стоит, сжав кулак. Как и Мэйвен, Эванжелина смотрит на мой ошейник. Он движется и пульсирует – очевидно, в такт сердцебиению.

– Позвольте, я дам ей свободу, – говорит она, и мне кажется, что я ослышалась. – Я освобожу ее здесь и сейчас. Отпустите стражу, и я убью ее, даже несмотря на молнии.

Я рычу, как настоящий зверь, каким они меня считают:

– Рискни!

Всем сердцем я желаю, чтобы Мэйвен согласился. Несмотря на раны, на дни, проведенные в молчании, на многолетнее унижение, совсем не похожее на жизнь девушки-магнетрона, я готова принять вызов Эванжелины. Один раз я уже ее побила. Могу и повторить. По крайней мере, это шанс. Гораздо лучший, чем всё, на что я рассчитывала.

Мэйвен переводит взгляд с ошейника на свою нареченную, и на его лице появляется натянутая жгучая усмешка. И в ней я вижу Элару.

– Вы подвергаете сомнению приказы короля, леди Эванжелина?

Между губ, покрытых фиолетовой помадой, сверкают зубы. Пелена придворных манер грозит развеяться, но, прежде чем Эванжелина успевает сказать что-нибудь по-настоящему пагубное, к ней подходит отец и касается ее руки. Намек ясен: «Повинуйся».

– Нет, – рычит она, хотя я слышу «да».

И наклоняет шею, изображая поклон.

– Ваше величество.

Ошейник слабеет и охватывает мою шею с прежней силой. Или даже чуть слабей, чем раньше. Хорошо, что Эванжелина не так скрупулезна, какой хочет казаться.

– Мэра Бэрроу – пленница короны, и король поступит с ней, как сочтет нужным, – говорит Мэйвен, и его взрывная невеста опускает глаза.

Он обводит взглядом остальных придворных, убеждаясь, что его намерения ясны.

– Смерть – слишком хороший исход для нее.

В толпе знати проносятся перешептывания. Я слышу нотки возражения, но большинство согласно с Мэйвеном. «Странно». Я думала, все они захотят, чтобы меня предали самой страшной казни и вывесили на корм хищным птицам. Чтобы моя кровь окрасила земли, отвоеванные Алой гвардией. Но, очевидно, мне готовят судьбу похуже.

«Похуже».

Так сказал Джон, когда увидел, что кроется в моем будущем и куда ведет мой путь. Он знал, что так будет. Знал – и сообщил королю. Ценой моей свободы, ценой жизни Шейда он купил себе место рядом с Мэйвеном.

Я нахожу Джона в толпе – прочие держатся от него на расстоянии. Глаза у провидца красные и пылающие, преждевременно поседевшие волосы стянуты в аккуратный хвост. Еще один пес-новокрова для Мэйвена Калора, хотя на Джоне и нет цепей. Потому что он помог Мэйвену прервать нашу операцию по спасению Детского легиона, прежде чем та успела начаться. Он открыл Мэйвену наши планы и наше будущее. Преподнес меня мальчику-королю на блюдечке. Предал всех нас.

Джон, разумеется, тоже смотрит на меня. Я не ожидаю извинений за то, что он сделал, да и не приму их.

– А как насчет допроса?

Этот голос я не узнаю. Но лицо мне знакомо.

Самсон Мерандус, боец, жестокий шепот, двоюродный брат погибшей королевы. Он проталкивается ко мне, и я невольно вздрагиваю. Когда-то, в прошлой жизни, я видела, как на арене он заставил противника покончить с собой. Килорн тогда сидел рядом со мной, смотрел, подбадривал бойцов и наслаждался последними часами свободы. Потом его хозяин умер, и вся наша жизнь изменилась. Мы пошли иным путем. И вот я лежу на девственно-чистом мраморе, замерзшая, окровавленная, не более чем собачка у ног короля.

– Для допроса она тоже слишком хороша, ваше величество? – продолжает Самсон, протянув ко мне белую руку.

Он хватает меня за подбородок и заставляет поднять голову. Я подавляю желание укусить его. Не нужно давать Эванжелине еще один повод стянуть удавку.

– Только подумайте, что она видела и сколько знает. Она – их вожак, и через нее мы можем истребить все это проклятое племя.

Он ошибается, но тем не менее мое сердце начинает колотиться в груди. Я знаю достаточно, чтобы причинить немало ущерба. Перед моими глазами мелькает остров Так, полковник, близнецы из республики Монфор. Наши

агенты в легионах. В городах. «Свистки» по всей стране, которые переправляют беженцев в безопасные места. Драгоценные, тщательно скрываемые секреты, которые вот-вот раскроются. Скольким я наврежу, если расскажу то, что знаю? Сколько народу погибнет, если меня расколут?

И это только военные тайны. Гораздо хуже – темные недра моего собственного сознания. Углы, где я держу самых страшных демонов. Принц, которого я помнила, любила и хотела видеть настоящим. А еще – Кэл. Всё, что я сделала, чтобы сохранить его. Всё, на что не обратила внимания. Все разы, когда лгала себе насчет его преданности. Стыд и ошибки не дают мне покоя, подгрызают корни. Я не позволю Самсону – и Мэйвену – увидеть это внутри меня.

Я готова взмолиться: «Пожалуйста, не надо». Но мои губы не движутся. Как бы я ни ненавидела Мэйвена, как бы ни хотела причинить ему боль, я знаю, что он – мой единственный шанс. Но мольбы о пощаде в присутствии его основных союзников и злейших врагов лишь ослабят и без того слабого короля. Поэтому я молчу, стараясь игнорировать хватку Самсона и глядя только на Мэйвена.

Наши взгляды встречаются – и это мгновение кажется одновременно долгим и кратким.

– Вы слышали приказ, – отрывисто говорит Мэйвен, кивая моим стражам.

Их хватка крепка, но не болезненна; они поднимают меня на ноги и, держа за руки и за цепи, выводят из толпы. Я оставляю прочих позади. Эванжелину, Птолемуся, Самсона и Мэйвена.

Король разворачивается на каблуках, направляясь в другую сторону. К тому единственному, что еще способно его согреть.

К трону из застывшего пламени.

2. Мэра

Я никогда не остаюсь одна.

Тюремщики не уходят. Их всегда двое, и они постоянно наблюдают за мной, постоянно глушат меня и подавляют. Достаточно запертой двери, чтобы я никуда не делась. Впрочем, я даже не могу подойти к ней поближе без того, чтобы меня не оттащили обратно в центр комнаты. Охранники сильнее, чем я, и неустанно бдят. Единственная возможность скрыться от их глаз – в маленькой ванной, полной белого кафеля и золотистых кранов, с полосой Молчаливого камня на полу. Несколько перламутрово-серых плиток достаточно, чтобы разболелась голова и сжалось горло. В ванной мне следует поторапливаться и не тратить даром ни одной мучительной секунды. Я вспоминаю Кэмерон и ее способность. Она может убить кого угодно силой своего молчания. Как бы меня ни угнетала постоянная бдительность стражей, я не желаю задохнуться на полу ванной в обмен на несколько минут покоя.

Забавно, но я привыкла считать, что мой главный страх – остаться одной. Теперь я всегда при ком-то – и мне еще никогда не было так жутко.

Моей молнии нет вот уже четыре дня.

Пять.

Шесть.

Семнадцать.

Тридцать один.

Я отмечаю каждый день на плитусе рядом с кроватью, вилкой выцарапывая зарубку. Приятно оставить здесь след, причинить хоть небольшой ущерб моей тюрьме – Дворцу Белого огня. Арвены не возражают. По большей части они игнорируют меня, сосредоточившись лишь на поддержании полной, абсолютной тишины. Они сидят на своих местах у двери, как статуи с живыми глазами.

Это не та комната, в которой я жила в прошлый раз. Очевидно, поселить пленницу там же, где и невесту принца, сочли неуместным. Но тем не менее я не в камере. Моя клетка довольно уютна и хорошо обставлена. Плюшевая кровать, полка со скучными книгами, несколько стульев, обеденный стол, даже красивые занавески. Всё – нейтральных оттенков серого, коричневого и белого. Комната лишена ярких красок, как и Арвены, вытягивающие из меня силу.

Я постепенно привыкаю спать одна, однако ночные кошмары преследуют меня – без Кэла, который их отгонял. Без того, кто обо мне заботился. Каждый раз, просыпаясь, я трогаю сережки у себя в ухе и называю по имени каждый камушек. Бри, Трами, Шейд, Килорн. Братья по крови и по оружию. Трое живых, один мертвый. Жаль, что нет сережки в пару подаренной Гизе, чтобы со мной была и частичка сестры. Иногда она мне снится. Ничего конкретного, просто проблески ее лица, медно-рыжие волосы, похожие цветом на пролитую кровь. Слова Гизы преследуют меня. «Однажды кто-нибудь придет и отнимет всё, что у тебя есть». Она была права.

Зеркал нет даже в ванной. Но я знаю, как на меня влияет это место. Несмотря на обильную пищу и минимум движений, я худею. Под кожей вырисовываются кости – заметней обычного. Я чахну. Делать, в общем, нечего, только спать или читать налоговый кодекс Норты, но тем не менее я постоянно ощущаю изнеможение. От любого прикосновения образуются синяки. А ошейник кажется горячим на ощупь, пусть даже я мерзну и дрожу. Может быть, это лихорадка. Может быть, я умираю.

Но пожаловаться некому. Я вообще почти не разговариваю. Дверь открывают, чтобы принести еду и воду, чтобы сменить тюремщиков, – и всё. Я не вижу ни одной Красной горничной, ни одного слуги, хотя, несомненно, они есть во дворце. Арвены приносят откуда-то одежду, белье, еду. Они же и прибираются, морщась от необходимости выполнять столь низменную работу. Очевидно, пустить сюда Красного слишком опасно. При этой мысли я улыбаюсь. Значит, Алая гвардия по-прежнему угрожает королю – достаточно, чтобы ввести столь жесткие ограничения и не подпускать ко мне даже слуг.

Вообще никого. Никто не приходит поглазеть на девочку-молнию, позлорадствовать. В том числе Мэйвен.

Арвены со мной не разговаривают. Они не назвали своих имен. Поэтому я дала им прозвища. Кошка – пожилая женщина, ниже меня ростом, с крошечным личиком и внимательными острыми глазками. Яйцеголовый – с белым круглым черепом, лысый, как и остальные его сородичи. У Трио вытатуированы три линии на шее, похожие на аккуратный след когтей. Зеленоглазая Клевер, примерно моего возраста, бесстрастно выполняет свои обязанности. Она единственная, кто смеет взглянуть мне в глаза.

Когда я впервые поняла, что Мэйвен хочет меня вернуть, я ожидала боли, темноты или того и другого. Но, главное, я думала, что придется терпеть

пытку под его пылающим взглядом. Однако ничего подобного не произошло. В тот день, когда меня привезли и заставили встать перед ним на колени, Мэйвен пообещал выставить мой труп напоказ. Но палачи так и не пришли за мной. И никакой шепот, например Самсон Мерандус или мертвая королева, не попытался забраться мне в голову и обнаружить мои мысли. Если таково мое наказание, оно скучное. У Мэйвена нет воображения.

Голоса по-прежнему звучат в моей голове. Слишком много воспоминаний. Они режут, как лезвия. Я пытаюсь заглушить боль нудными книжками, но слова расплываются у меня перед глазами, буквы меняются местами, и я вижу имена людей, которых покинула. Живых и мертвых. И всегда, всюду – Шейд.

Пускай моего брата убил Птолемус, но именно я столкнула его с Шейдом. Потому что была эгоисткой и считала себя чем-то вроде спасителя мира. Потому что в очередной раз поверила тому, кому не следовало верить, и принялась бросать чужие жизни на кон, как азартный игрок – карты. «Но ты же освободила заключенных из тюрьмы. Ты стольким дала свободу – и спасла Джулиана».

Слабая мысль – и еще более слабое утешение. Теперь я знаю, какова была цена атаки на Коррос. И каждый день думаю, что не согласилась бы заплатить ее, будь у меня выбор. Ни ради Джулиана, ни ради сотни живых новокровок. Я ни одного из них не освободила бы ценой жизни Шейда.

А в итоге – никакой разницы. Мэйвен несколько месяцев просил меня вернуться. Каждая окровавленная записка содержала мольбы. Он надеялся сломить мою волю трупами, мертвыми телами. Но я думала, что не заключу такой сделки, что меня не тронет даже тысяча невинных жертв. А теперь я жалею, что давным-давно не сделала, как он просил. Прежде чем Мэйвен додумался напасть на тех, к кому я искренне равнодушна. Он знал, что я спасу их. Знал, что Кэл, Килорн, мои родные – единственные, ради кого я уступлю. Я отдала все, чтобы сохранить им жизнь.

Похоже, Мэйвен не собирается пытаться меня. Даже с помощью сонара, машины, созданной для того, чтобы, используя мои собственные молнии, разорвать меня на части, нерв за нервом.

Мои муки ничего ему не принесут. Мать хорошо обучила Мэйвена. Единственное утешение – знать, что молодой король лишился своего злобного руководителя. Пока меня держат здесь и стерегут день и ночь, Мэйвен – один, во главе королевства, и Элара Мерандус больше не направляет руку сына и не прикрывает его спину.

Прошел месяц с тех пор, как я дышала свежим воздухом, и почти столько же – с тех пор как я видела что-нибудь, кроме этой комнаты и того немного, что открывается из окна.

Окно выходит в дворцовый сад, который уже давно облетел. Руки зеленых придали причудливые формы небольшой купе деревьев. Летом, наверно, они выглядят прелестно – покрытые листвой и цветами венцы с необыкновенными спиральными зубцами-ветвями. Но голые, скрюченные дубы, вязы и буки похожи на скелеты; их сухие мертвые сучья скребут друг о друга, как когти. Двор безлюден, заброшен. Совсем как я.

«Нет», – мысленно рычу я.

За мной придут.

Я не теряю надежды. У меня всё переворачивается в животе каждый раз, когда открывается дверь. Я ожидаю увидеть Кэла, Килорна или Фарли. Или Бабулю в чужом обличье. Даже полковника. Теперь я бы заплакала от

радости, увидев его кровавый глаз. Но никто за мной не приходит. Никто не придет.

Жестоко позволять надеяться, когда надежды быть не может.

И Мэйвен это знает.

Когда вечером тридцать первого дня садится солнце, я понимаю, в чем заключается его замысел.

Он хочет, чтобы я сгнила тут. Захла. Чтобы меня позабыли.

В мертвом саду с серого, как сталь, неба падает первый снег. Стекло холодно на ощупь, но замерзать оно отказывается.

И я тоже.

Снег на улице так красив в утреннем свете – обнаженные деревья покрывает белая блестящая корочка. Днем она растает. По моему подсчету, сейчас 11 декабря. Холодное, серое, мертвое время, нечто среднее между осенью и зимой. Настоящий снег ляжет только через месяц.

Дома мы прыгали с крыльца в сугроб, даже после того как Бри сломал ногу, приземлившись на засыпанную снегом поленицу. На лечение брата у Гизы ушел месячный заработок, а мне пришлось украсть большую часть того, что понадобилось нашему так называемому врачу. Это случилось за год до того, как Бри призвали. Последняя зима, когда наша семья была вместе. В последний раз. За всю жизнь. И мы больше никогда не станем единым целым.

Мама и папа с Гвардией. Гиза и оставшиеся в живых братья – тоже. Они в безопасности. В безопасности. В безопасности. Я повторяю эти слова каждое утро. Они утешают меня, даже если это неправда.

Я медленно отодвигаю тарелку. Приевшаяся сладкая овсянка, фрукты и тост не доставляют мне никакого удовольствия.

– Я поела, – по привычке говорю я, зная, что никто не ответит.

Кошка уже стоит рядом и сердито смотрит на недоеденную порцию. Держа тарелку, как таракана, на вытянутой руке, она несет ее к двери. Я быстро скидываю голову, надеясь хоть мельком увидеть прихожую. Как всегда, там пусто, и у меня обрывается сердце. Кошка с лязгом бросает тарелку на пол – если та и разбилась, Кошку это не волнует. Слуги приберутся. Дверь захлопывается, и Кошка возвращается на место. Трио сидит на стуле с другой стороны, скрестив руки на груди. Его немигающий взгляд устремлен мне в грудь. Я буквально чувствую тишину. Она напоминает наброшенное на голову одеяло, которое удерживает мою молнию под спудом, где-то далеко, там, куда я даже не могу дотянуться. И от этого мне хочется содрать с себя кожу.

Ненавижу это ощущение. Ненавижу.

Не-на-ви-жу.

Я швыряю стакан в противоположную стену, и вода забрызгивает отвратительную серую краску. Мои стражи не ведут и бровью. Я часто бью посуду.

От этого становится легче. На минутку. Наверно.

Я выполняю привычные действия. Режим, который сложился за месяц заточения. Проснуться. Немедленно пожалеть об этом. Получить завтрак. Потерять аппетит. Дождаться, когда еду унесут. Немедленно пожалеть об этом. Выплеснуть воду. Немедленно пожалеть об этом. Содрать белье с постели. Разорвать простыни, иногда с воплями. Немедленно пожалеть об этом. Взяться за книжку. Посмотреть в окно. Посмотреть в окно. Обед. Повторить.

Вот такая я деловая девчонка.

Или, точнее сказать, женщина?

Восемнадцать лет – водораздел между ребенком и взрослым. А мне исполнилось восемнадцать несколько недель назад. Семнадцатого ноября. Никто, впрочем, этого не знал и не заметил. Вряд ли Арвенов заботит, что их подопечная стала на год старше. Это интересует только одного человека во дворце. И он, к моему облегчению, не нанес мне визит. Хотя какая-то радость. Меня держат в плену, в окружении самых неприятных людей на свете, но, по крайней мере, не нужно терпеть присутствие Мэйвена.

До сегодняшнего дня.

Абсолютная тишина раскалывается – не от взрыва, а от щелчка. Знакомый звук отпираемого дверного замка. Вне графика, без предупреждения. Я резко поворачиваюсь на звук, и Арвены тоже – от удивления они теряют концентрацию. Внезапно заколотившееся сердце гонит по моим венам адреналин. На долю секунды вспыхивает надежда. Я представляю, кто может быть за дверью.

Мои братья. Фарли. Килорн.

КЭЛ.

Я хочу, чтобы там оказался Кэл. Я хочу, чтобы его огонь поглотил дворец и всех этих людей.

Но на пороге стоит человек, которого я не знаю. Только его одежда знакома – черная форма с серебряной отделкой. Офицер службы безопасности, безымянный и не имеющий особого значения. Он заходит в мою темницу, оставив дверь открытой. За ней толпятся другие, такие же, как он. В передней становится темно от их количества.

Арвены вскакивают, удивленные не меньше, чем я.

– Что вы делаете? – сердито спрашивает Трио.

Я впервые слышу его голос.

Кошка делает, как ее учили – встает между мной и сотрудником безопасности. Меня оглушает прилив тишины, полный ее страха и замешательства. Он обрушивается на меня, как волна, поглощая небольшие остатки сил. Я сижу на стуле, как прикованная, стараясь не рухнуть на пол в присутствии посторонних.

Сотрудник безопасности ничего не говорит. Он смотрит в пол. Ждет.

Следом входит она, в платье из игл. Ее серебряные волосы зачесаны и украшены камнями под цвет короны, которую ей не терпится надеть. Я вздрагиваю при виде Эванжелины – безупречной, холодной, опасной,

настоящей королевы с виду, хоть и не по званию. Потому что она еще не королева. За это поручусь.

– Эванжелина, – негромко произношу я, стараясь, чтобы голос не дрожал – одновременно от страха и от того, что я отвыкла говорить.

Ее черные глаза касаются меня с деликатностью свистящего кнута. Она обводит взглядом мое тело, отмечая каждый изъян, каждое несовершенство. Я знаю, что недостатков много. Наконец взгляд Эванжелины падает на ошейник. Она разглядывает заостренные металлические концы, и ее губы кривятся от отвращения и неутолимой жажды. Как легко ей было бы нажать, вогнать концы ошейника мне в горло, чтобы я истекла кровью до капли.

– Леди Самос, вам не разрешается сюда ходить, – говорит Кошка, по-прежнему стоя между нами.

Я удивлена ее смелостью.

Взгляд Эванжелины перебегает на стражницу, а насмешливая улыбка становится еще шире.

– Ты думаешь, я нарушу приказ короля, моего жениха? – она издает ледяной смехок. – Я здесь по его повелению. Он приказывает доставить заключенную на суд. Немедленно.

Каждое слово причиняет боль. Месяц заточения внезапно кажется слишком коротким. Отчасти мне хочется ухватиться за стол – пусть Эванжелина силой вытаскивает меня из моей клетки. Но даже заточение не лишило девочку-молнию гордости. Пока не лишило.

«И никогда не лишит», – напоминаю я себе.

Я стою на подгибающихся ногах. Суставы болят, руки трясутся. Месяц назад я зубами и ногтями атаковала брата Эванжелины. Я пытаюсь призвать как можно больше огня, хотя бы для того, чтобы держаться прямо.

Но Кошка не движется. Она кивает Трио и встречается взглядом с кузеном.

– Мы не получали распоряжений. В правилах этого нет.

Эванжелина опять смеется, показав белые сверкающие зубы. Ее улыбка прекрасна и жестока, как клинок.

– Вы отказываетесь повиноваться мне, страж Арвен?

Она касается леса игл, составляющих ее платье. Они липнут к ладони Эванжелины, как к магниту. Через секунду у нее полная пригоршня шипов. Она держит в руке послушные фрагменты металла и терпеливо ждет, приподняв бровь. Арвены не станут применять свою оглушительную способность к дочери Самоса, уж тем более к будущей королеве.

Охранники молча обмениваются взглядами, явственно обдумывая вопрос Эванжелины со всех сторон. Трио хмурится и сердито смотрит на нее. Наконец Кошка шумно вздыхает. Она отступает. Сдается.

– Я этого не забуду, – негромко произносит Эванжелина.

Я чувствую себя беззащитной перед ней, в одиночестве, под взглядом ее пронизывающих глаз, пусть даже за нами наблюдают другие охранники и сотрудники безопасности. Эванжелина знает, кто я такая и на что способна.

Я чуть не убила леди Самос в Чаше костей, но она бежала, испугавшись меня и моих молний. Однако сейчас ей уж точно не страшно.

Я намеренно делаю шаг вперед. К Эванжелине. К блаженной пустоте, которая окружает ее, не приглушая способностей магнетрона. Еще шаг. На свободу, туда, где есть электричество. Я почувствую его немедленно? Оно вернется одним порывом? Да. Должно.

Но на ее недовольном лице вдруг появляется улыбка. Двигаясь синхронно со мной, она отступает. Я подавляю рык.

- Не так быстро, Бэрроу.

Впервые Эванжелина назвала меня моим настоящим именем.

Она щелкает пальцами и указывает на Кошку.

- Ведите ее.

Они тащат меня на цепи, как в первый день после прибытия. Поводок крепко сжимает в кулаке Кошка. Они с Трио продолжают давить тишиной, и в моем черепе словно стучит барабан. Длинный путь по Дворцу Белого огня кажется марафонским забегом, хотя мы идем неторопливо. Как и в прошлый раз, мне не завязали глаза. Они даже не стараются сбить меня с толку.

Я узнаю места, по мере того как мы приближаемся к пункту назначения, сворачивая в коридоры и галереи, которые я свободно исследовала когда-то. В те времена я не чувствовала необходимости запоминать их. А теперь изо всех сил стараюсь запечатлеть в голове план дворца. Мне уж точно он понадобится, если я намерена выбраться отсюда живой. Моя спальня выходит на восток и расположена на пятом этаже; это можно понять, сосчитав окна. Я помню, что Дворец Белого огня имеет форму соединяющихся друг с другом четырехугольников; каждое крыло окружает внутренний двор, вроде того, куда выходит окно моей комнаты. Вид из высоких сводчатых окон меняется с каждым поворотом. Дворцовый сад, площадь Цезаря, длинные отрезки плаца, где Кэл тренировал солдат, стены, а за ними – заново отстроенный мост. Хорошо, что нам не приходится миновать покои, где я обнаружила записную книжку Джулиана, где наблюдала за яростью Кэла и тихими интригами Мэйвена. Удивительно, сколько воспоминаний содержат остальные части дворца, хоть я и прожила тут совсем недолго.

Мы минуем ряд окон, которые выходят на запад – на казармы, Столичную реку и вторую половину города. Чаша костей торчит среди зданий, и ее неуклюжие очертания хорошо знакомы мне. Я узнаю этот вид. Я стояла здесь с Кэлом. И лгала ему, зная, что нападение состоится той же ночью. Но я не знала, чем это обернется для нас обоих. Кэл шепнул тогда, как ему жаль, что нельзя по-другому. Я тоже сожалею.

Очевидно, по пути за нами следят камеры, хотя я их не ощущаю. Эванжелина молчит, пока мы спускаемся на главный ярус дворца. Ее охранники идут за ней – стайка черных птиц, окружающая стального лебедя. Откуда-то эхом доносится музыка. Она тяжело пульсирует, напоминая биение разбухшего сердца. Я никогда раньше не слышала такой музыки, даже на балу, даже когда Кэл учил меня танцевать. Она живет своей жизнью – темная, искаженная и странно манящая. При ее звуках плечи Эванжелины, идущей впереди, вдруг напрягаются.

Парадные залы, как ни странно, пусты, только несколько охранников стоят в коридорах. Это не Стражи – те, очевидно, сопровождают Мэйвена. Эванжелина

не сворачивает направо, как я думала, к огромным сводчатым дверям, ведущим в тронный зал. Она движется вперед, возглавляя нашу процессию, и заходит в помещение, которое мне слишком хорошо знакомо.

Зал совета. Идеальный круг из мрамора и блестящего полированного дерева. Вдоль стен стоят кресла, на красивом паркете – герб Норты, Пламенеющий венец. Красный, черный, серебряный, с зубцами в виде языков огня. Я чуть не спотыкаюсь, увидев его. Мне приходится закрыть глаза. Не сомневаюсь, Кошка протащит меня через весь зал. Я охотно позволю ей это сделать – лишь бы не смотреть вокруг. Я помню – здесь умерла Уолш. Перед моими глазами проносится ее лицо. За ней охотились, как за кроликом. Тут стояли волки, которые схватили Уолш, – Эванжелина, Птолемус, Кэл. Они поймали беднягу в туннелях под Археомом – она находилась там, выполняя приказ Алой гвардии. Они нашли ее, притащили во дворец и доставили на допрос к королеве Эларе. Но до допроса дело не дошло. Потому что Уолш покончила с собой. В присутствии всех нас она проглотила отравленную таблетку, чтобы не выдать секреты Алой гвардии. Чтобы не выдать меня.

Когда музыка становится втрое громче, я открываю глаза.

Мы миновали зал совета, но то, что я вижу, – еще хуже.

3. Мэра

В воздухе витает музыка, а еще – сладкий, тошно-творный запах спиртного, пропитывающий весь величественный тронный зал. Мы выходим на небольшое возвышение, с которого открывается шикарный вид на вечеринку в разгаре – и у нас есть несколько секунд до того, как все поймут, что мы здесь.

Мой взгляд перебегает туда-сюда – я в страхе ищу защиты, всматриваюсь в каждое лицо, в каждую тень. Где шанс? Где опасность? Шелк, драгоценные камни, красивые доспехи блещут под лучами десятков люстр, превращая гостей в живое созвездие, которое движется и переливается на мраморном полу. После месяца заточения это зрелище бьет по моим органам чувств, но я поглощаю его, как изголодавшийся человек – пищу. Столько цветов, столько голосов, столько знакомых мужчин и женщин. Пока что они меня не замечают. Они не смотрят на нас. Они сосредоточены друг на друге, на своих бокалах с вином и другими разноцветными напитками, на рваном ритме музыки, благоуханном дыме, который клубится в воздухе. Это, очевидно, праздник, причем безудержный, но я понятия не имею, в честь чего.

Разумеется, мои мысли начинают бешено нестись. Серебряные одержали очередную победу? Уничтожили Кэла и Алую гвардию? Или они до сих пор празднуют мою поимку?

Одного взгляда на Эванжелину достаточно. Не помню, чтобы когда-либо она так хмурилась, даже при виде меня. Ее кошачий оскал становится уродливым, злым, полным невообразимого гнева. Глаза Эванжелины темнеют, обводя зал. Они черны, как бездна, когда оглядывают своих подданных, находящихся в состоянии наивысшего блаженства.

Или, возможно, неведения.

По чьей-то команде целая толпа Красных слуг раздвигает заднюю стенку и безупречной вереницей движется по залу. Они несут подносы, уставленные хрустальными бокалами с напитками, похожими на жидкий рубиновый, золотой, алмазный свет. Прежде чем слуги успевают достигнуть противоположного

конца зала, подносы пустеют, и их спешно уставляют вновь. Еще один проход – и подносы снова пусты. Понятия не имею, как некоторые Серебряные удерживаются на ногах. Они продолжают кутить, беседовать, танцевать, крепко сжимая в руках бокалы. Кое-кто курит затейливые трубки, выпуская в воздух кольца разноцветного дыма. Он не пахнет табаком, который ревниво запасали в Подпорах старики. Я с завистью вижу в их трубках искорки, крохотные точки света.

Хуже всего – зрелище слуг, Красных. От этого мне делается больно. Я отдала бы что угодно, чтобы занять их место. Быть обыкновенной служанкой, а не пленницей. «Дура, – говорю я себе. – Они, как и ты, в неволе. Как все твои сородичи. Они под пятой Серебряных, пускай кому-то и дышится чуть легче».

Из-за Мэйвена.

Эванжелина спускается с возвышения, и Арвены заставляют меня следовать за ней. Ступеньки подводят нас прямо к помосту, достаточно высокому, чтобы стала ясна его значимость. И, разумеется, на нем стоит десяток Стражей – в масках, вооруженных, нестерпимо жутких.

Я ожидала увидеть троны, которые хорошо помню. Пламя из алмазного стекла – трон короля, сапфиры и блещущее белое золото – трон королевы. Но Мэйвен сидит на таком же троне, с какого поднялся месяц назад, когда на глазах у всего мира меня бросили ему под ноги.

Ни драгоценностей, ни дорогого металла. Просто куски серого камня, стянутые плоскими железными полосами. Никаких гербов, все до брутальности просто. Трон кажется холодным и неудобным, не говоря уж о том, что он чертовски громоздок. Мэйвен кажется на нем карликом, гораздо младше и меньше, чем есть. А выглядит сильным – значит быть сильным. Я усвоила этот урок от Элары, а Мэйвен почему-то нет. Он выглядит мальчишкой. Черная военная форма подчеркивает его смертельную бледность; единственные яркие пятна – это кроваво-красная подкладка плаща, серебряная гуца медалей и обжигающая синева глаз.

Король Мэйвен из Дома Калора встречает мой взгляд за секунду до того, как понимает, что я тут.

Мгновение, подвешенное на нити времени, кажется бесконечным. Между нами зияет бездна, полная шума и изящного хаоса, но с тем же успехом зал мог быть пуст.

Интересно, замечает ли он перемены во мне. Дурноту, боль, мучения, которым я подвергаюсь в своей молчаливой тюрьме. Должен заметить. Глаза Мэйвена скользят по моему лицу, от заострившихся скул до ошейника, рассматривают белое платье. На сей раз крови на нем нет. Жаль. Я хотела бы всем показать, кто я такая и кем была от рождения. Красная. Раненая. Но живая. Как перед придворными, как перед Эванжелиной несколько минут назад, я выпрямляюсь и смотрю на короля с упреком, собрав остаток сил. Я рассматриваю Мэйвена, ища изъяны, заметные только мне. Синяки под глазами, подрагивающие руки. Спина напряжена настолько, что хребет вот-вот треснет.

«Ты убийца, Мэйвен Калор, трус, слабак».

И это помогает. Он отводит глаза и вскакивает, продолжая цепляться обеими руками за подлокотники трона. Его гнев напоминает удар молота.

– Объяснитесь, страж Арвен! – обрушивается он на моего ближайшего тюремщика.

Трио вздрагивает.

Эта вспышка прекращает музыку, танцы и кутеж в мгновение ока.

- С-сир... - запинаясь Трио и хватая меня за руку пальцами в перчатке.

Они источают тишину - достаточно, чтобы мое сердце замедлило ход. Трио пытается подыскать оправдание, которое не повредит ни ему, ни будущей королеве... но тщетно.

Моя цепь дрожит в руке у Кошки, но она по-прежнему крепко ее сжимает.

Только на Эванжелину ярость короля не оказывает никакого эффекта. Она этого ожидала.

Он не приказывал ей привести меня. Никто не приказывал.

Мэйвен не идиот. Он машет рукой Трио, одним движением пресекая его бормотание.

- Твой жалкий лепет - достаточный ответ, - говорит он. - Что скажешь в свое оправдание, Эванжелина?

В толпе стоит ее отец, глядя на Эванжелину широко раскрытыми, суровыми глазами. Кто-нибудь другой мог бы предположить, что ему страшно, но я сомневаюсь, что Воло Самос в принципе способен испытывать чувства. Он просто поглаживает свою острую серебряную бороду, и выражение лица у него нечитаемое. Птолемус гораздо хуже умеет скрывать свои мысли. Он стоит на помосте, среди прочих Стражей, единственный среди них - без огненного плаща и маски. Хотя он неподвижен, его взгляд мечется между королем и сестрой, а кулак медленно сжимается. «Он боится за нее, как я боялась за своего брата. Смотрит на ее мучения, как я смотрела на гибель Шейда».

А что еще может сейчас сделать Мэйвен? Эванжелина сознательно нарушила его приказ, далеко превзойдя те привилегии, которые давала ей помолвка. Я прекрасно знаю, что рассердить короля - значит нарваться на наказание. Ослушаться прямо здесь, в присутствии всего двора? Да он, возможно, просто убьет Эванжелину на месте.

Если Эванжелина понимает, что рискует жизнью, то не выказывает этого. Ее голос не обрывается и не дрожит.

- Вы приказали заточить террористку, запереть ее в кладовке, как ненужную бутылку вина. После месяца совещаний вы так и не пришли к согласию насчет того, как надлежит с ней поступить. Ее преступления многочисленны, они достойны сотни смертей, тысячи пожизненных тюремных заключений. Она убила или искалечила сотни ваших подданных с тех пор, как появилась, в том числе погубила ваших собственных родителей, но тем не менее она по-прежнему располагает удобной спальней, ест, дышит... она жива и не понесла кары, которую заслуживает.

Мэйвен - сын своей матери, и его придворное обличье почти безупречно. Слова Эванжелины как будто ни капли не смутили короля.

- Кара, которую она заслуживает, - повторяет он.

И смотрит в зал, слегка вздернув подбородок.

- Поэтому ты привела ее сюда. Неужели у меня такие скучные праздники?

По жадно внимающей толпе проносится смех – у одних искренний, у других фальшивый. Многие здесь пьяны, но есть и трезвые головы, которые понимают, что происходит. Что наделала Эванжелина.

Та вежливо улыбается – с такой мукой, что я ожидаю увидеть в углах губ капли крови.

– Я знаю, что вы скорбите по своей матери, ваше величество, – говорит Эванжелина без тени сочувствия. – Мы все ее оплакиваем. Но ваш отец поступил бы иначе. Время слез минуло.

Это не ее слова, а слова Тиберия Шестого. Отца Мэйвена и призрака, его преследующего. На мгновение кажется, что его маска вот-вот слетит; в глазах Мэйвена в равной мере вспыхивают страх и гнев. Я тоже хорошо помню эти слова, произнесенные перед такой же толпой, вскоре после того как Алая гвардия казнила своих политических врагов. Жертвы были выбраны Мэйвеном, намечены его матерью. Мы сделали грязную работу за них, и они прибавили к общему числу погибших результаты своего чудовищного заговора против сородичей. Они использовали меня, использовали Гвардию, чтобы одним широким движением истребить своих противников или превратить их в демонов. Они уничтожили и погубили больше людей, чем кто-либо из нас.

Я до сих пор чую кровь и дым. По-прежнему слышу плач матери над погибшими детьми. По-прежнему слышу слова, которые переложили на восставших всю вину за это.

– Сила, власть, смерть, – бормочет Мэйвен, стуча зубами.

Некогда эти слова напугали меня и приводят в ужас теперь.

– Что вы предлагаете, миледи? Обезглавливание? Расстрел? А может быть, разорвать ее на части?

Мое сердце начинает бешено биться. Неужели Мэйвен это допустит? Не знаю. Понятия не имею, что он сделает. Я напоминаю себе, что он для меня загадка. Мальчик, которого я якобы знала, оказался иллюзией. А как же записки, оставленные на трупах и полные просьб вернуться? Как же месяц тихого и довольно спокойного заточения? Или это тоже было ложью, очередным фокусом, расставленной ловушкой? Еще одной пыткой?

– Мы поступим по закону. Как сделал бы ваш отец.

То, как Эванжелина произносит слово «отец», которое в ее устах сродни ножу, само по себе служит достаточным подтверждением. Как и многие в этом зале, она знает, что Тиберий Шестой умер иначе, нежели гласит официальное извещение.

Мэйвен продолжает цепляться побелевшими пальцами за серые камни трона. Он смотрит на придворных, которые не сводят с него глаз, а затем насмешливо обращается к Эванжелине:

– Ты не член совета. И ты не знала моего отца настолько хорошо, чтобы понимать, как он мыслит. Я – король, как и он, и мне известно, что надлежит делать для победы. Наши законы священны, но сейчас мы ведем сразу две войны.

Две войны.

От внезапного прилива адреналина мне кажется, будто вернулась моя молния. Нет, это не молния. Надежда. Я прикусываю губу, чтобы сдержать улыбку. Пока тянулись недели в плену, Алая гвардия продолжала свое дело – и с

успехом. Они не просто продолжают бороться. Мэйвен это открыто признает. Уже невозможно замаять происходящее или отмахнуться от него.

Хотя мне страстно хочется знать больше, я держу рот на замке.

Мэйвен прожигает Эванжелину взглядом.

– Это безрассудство – казнить таких ценных заключенных, как Мэра Бэрроу.

– Тем не менее вы не извлекаете из нее пользы! – возражает Эванжелина – так быстро, что я понимаю: она, очевидно, приготовилась к спору.

Она делает несколько шагов вперед, сокращая расстояние между собой и Мэйвеном. Всё это кажется спектаклем, действием, разыгрываемым на глазах у двора. Но к чьей выгоде?

– Бэрроу сидит просто так, ничего не делает и ничего нам не говорит, в то время как Корвиум пылает!

Еще одна драгоценная крупица информации. Давай, Эванжелина. Скажи что-нибудь еще.

Я видела, как эта крепость, военный центр Норты, месяц назад была охвачена бунтом. Значит, его не подавили. При упоминании Корвиума толпа трезвеет. Мэйвен не упускает этого и изо всех сил старается сохранять спокойствие.

– Совет со дня на день вынесет решение, миледи, – произносит он сквозь стиснутые зубы.

– Простите мою дерзость, ваше величество. Я знаю, вы хотите оказать уважение совету, даже его слабейшим членам, даже трусам, которые не могут сделать то, что должно быть сделано.

Еще шаг – и голос Эванжелины превращается в мурлыканье.

– Но вы король. И решение за вами.

Это мастерский ход. Эванжелина – такой же спец в манипуляциях, как все здесь. Несколькими словами она избавила Мэйвена от опасности показаться слабым, но теперь ему придется подчиниться ее воле, чтобы поддержать образ сильного правителя. Я невольно испускаю тяжелый вздох. Сделает ли Мэйвен, как она хочет? Или откажется – или подольет масла в огонь мятежа, уже пылающего среди Высоких Домов?

Но Мэйвен неглуп. Он понимает, что задумала Эванжелина, и не ослабляет бдительности. Они смотрят друг на друга, разговаривая натянутыми улыбками и острыми взглядами.

– Наши древние традиции, несомненно, привели к престолу самую талантливую девушку, – говорит он, беря Эванжелину за руку.

Это, кажется, обоим внушает отвращение.

Мэйвен поворачивается к толпе и смотрит на худого мужчину в темно-синей одежде.

– Кузен! Вы просили разрешения провести допрос. Разрешаю.

Самсон Мерандус, совершенно трезвый, появляется из толпы. Он кивает и почти улыбается. Синее одеяние развеивается, напоминая дым.

- Благодарю, ваше величество.

- Нет.

Это слово само вырывается у меня.

- Мэйвен, не надо!

Самсон движется быстро. С хорошо сдерживаемой яростью он поднимается на возвышение и несколькими решительными шагами сокращает расстояние между нами. Во всем мире не остается ничего, кроме его глаз. Синих, как у Эллары и Мэйвена.

- Мэйвен! - восклицаю я вновь, умоляя о милосердии, хотя это ничего не даст. Хотя моя гордость переворачивается при мысли о том, что я обращаюсь к нему.

Но что еще можно сделать? Самсон - шепот. Он уничтожит меня изнутри, обыщет мою душу, выяснит, что я собой представляю и что мне известно. Сколько людей умрет из-за того, что я знаю?

- Мэйвен, пожалуйста, не позволяй ему!

Мне не хватает сил вырвать цепь из кулака Кошки, ну или хотя бы оказать сопротивление, когда Трио вцепляется в мои плечи. Оба с легкостью удерживают меня на месте. Мой взгляд перебегает с Самсона на Мэйвена. Одна рука короля лежит на подлокотнике трона, другая покоится в руке Эванжелины. «Я скучаю по тебе», - гласили его записки. Выражение лица Мэйвена разгадать невозможно, но, по крайней мере, он смотрит на меня.

Ладно. Если он не намерен прекратить этот кошмар, пусть наблюдает за ним.

- Мэйвен, - шепотом говорю я в последний раз, пытаюсь стать собой.

Не девочкой-молнией, не Мэриэной - пропавшей принцессой, а Мэрой. Девочкой, на которую он смотрел сквозь прутья клетки и которую обещал спасти. Но ее недостаточно. Мэйвен опускает глаза. Отводит взгляд.

Я остаюсь одна.

Самсон берет меня за горло выше ошейника, и я вижу перед собой знакомые злобные глаза. Синие, как лед, и такие же неумолимые.

- Ты ошиблась, убив Эллару, - говорит он, не удосуживаясь смягчить свои слова. - Она влезала в голову, как хирург.

Самсон подается ко мне, как голодный человек, перед которым стоит вкусный обед.

- А я - мясник.

Когда ко мне применили сонар, я корчилась в агонии три долгих дня. Буря радиоволн обратила мою способность против меня. Электричество отдавалось в теле, грохоча, как винтики в банке. Оно оставило шрамы. Угловатые белые линии пролегли по моей шее и спине - безобразные узоры, к которым я до сих пор не привыкла. Они причиняют боль и непредсказуемо тянут, поэтому малейшие движения мучительны. Даже широко улыбнуться я теперь не могу.

Но я бы умоляла о повторении, если бы могла.

Оглушительный шелчок сонара, за которым следует раздирающая боль, был бы блаженством, счастьем, милосердием. Я бы предпочла, чтоб мне переломали кости, разорвали мышцы, раскрошили зубы и ногти, полностью уничтожили меня, чем еще хоть секунду терпеть шепот Самсона.

Я чувствую его. Чужое сознание. Оно наполняет мою душу, как гниль, ржавчина или опухоль. Царапает мне мозг изнутри своей жесткой шкурой и еще более грубыми намерениями. Части моей души, не тронутые ядом, извиваются от боли. Самсон наслаждается, делая это. В конце концов, он мстит. За то, как я поступила с Эларой, его родственницей и его королевой.

Она – первое воспоминание, которое он вырывает у меня. Самсон пришел в ярость от того, что я не испытывала к ней сочувствия, и теперь в этом раскаиваюсь. Я бы хотела пожалеть королеву хоть немного, но зрелище ее смерти было слишком жутким, чтобы вызвать что-то, кроме шока. Теперь я его вспоминаю. Самсон меня заставляет.

Мгновение слепящей боли, воронка воспоминаний – и я возвращаюсь в ту минуту, когда убила Элару. Моя способность призывает молнию с небес – рваную фиолетово-белую линию. Одна бьет королеву прямо в голову, проникая в глаза и в рот, спускаясь по шее и по рукам, до пальцев ног, и взбегая обратно. Пот у нее на коже превращается в пар, плоть обугливается и начинает дымиться, пуговицы на куртке раскаляются докрасна, сжигая ткань и кожу. Она дергается, царапает себя, пытается освободиться от моей электрической ярости. Кончики пальцев отрываются, обнажая кости, мускулы прекрасного лица обвисают от неумолимого течения электричества. Пепельно-белые волосы чернеют, тлеют и сторают. Этот запах. Звук. Она вопит, пока не отказывают голосовые связки. Самсон убеждается, что эта сцена проходит передо мной медленно; он управляет забытым воспоминанием, пока каждая секунда не запечатлевается в моем сознании. Воистину мясник.

Его гнев заставляет меня крутиться волчком. Ухватиться не за что – я ношусь в урагане, который мне не подвластен. Всё, что я могу, – молиться, чтобы не увидеть то, что ищет Самсон. Я стараюсь изгнать из мыслей имя Шейда. Но стены, которые я возвожу, тоньше бумаги. Самсон злорадно прорывает их. Я чувствую, как они, одна за другой, падают, и Самсон корежит следующую часть моей души. Он знает, что именно я пытаюсь от него скрыть, чего не желаю переживать вновь. Он несется сквозь мои мысли быстрее меня, подавляя все слабые попытки остановить его. Я хочу закричать, взмолиться о пощаде, но мой рот и мое сознание не издадут ни звука. Он управляет тем и другим.

– Слишком просто, – эхом отдается голос Самсона во мне и вокруг меня.

Как и смерть Элары, гибель Шейда проходит передо мной в ярких, мучительных подробностях. Загнанная в ловушку собственного сознания, я должна пережить каждое ужасное мгновение заново, не в силах сделать ничего – только смотреть. Воздух звенит от радиации. Тюрьма Коррос – на краю Болот, рядом с ядерной пустыней, южной границей Норты. Холодный утренний туман, за несколько минут до серого рассвета. Все неподвижно, словно подвешено в пустоте. Я смотрю, не двигаясь, застыв на ходу. За моей спиной – просторный тюремный двор, еще содрогающийся от поднятого нами мятежа. Заключенные и их преследователи выбегают из ворот. Вместе с нами бывшие пленники бегут на свободу, ну или типа того. Кэл уже скрылся – я вижу его знакомый силуэт в сотне метров от себя. Я велела Шейду переправить его первым: Кэл – один из немногочисленных пилотов, наш главный способ к бегству. Килорн по-прежнему рядом со мной; он тоже застыл, приложив винтовку к плечу. Он целится в преследователей – в

королеву Элару, ее телохранителей, Птолемуса Самоса. Пуля вылетает из дула – порождение огня и пороха. Она тоже зависает в воздухе и ждет, когда Самсон выпустит из хватки мое сознание. Над головой кружится небо, насыщенное электричеством. Моим электричеством. Я заплакала бы от этого ощущения, если бы могла.

Воспоминание начинает двигаться, поначалу медленно.

Птолемус создает длинную блестящую иглу, в дополнение к многочисленному оружию, которое есть у него под рукой. Идеальное лезвие блестит от красной и серебряной крови, и каждая капля напоминает драгоценный камень, переливающийся в воздухе. Невзирая на свою способность, Ара Айрел оказывается недостаточно проворной, чтобы избежать смертельного удара. За одно бесконечное мгновение игла протыкает ее шею. Она падает в нескольких шагах от меня – медленно, как будто в воде. Птолемус хочет использовать инерцию удара, чтобы вонзить иглу мне в сердце. Но на пути оказывается мой брат.

Шейд прыжком возвращается к нам, чтобы телепортировать меня в безопасное место. Его тело возникает прямо из воздуха – сначала грудь и голова, потом конечности. Руки вытянуты, глаза сосредоточены, внимание направлено на меня одну. Он не видит иглу. Не знает, что сейчас умрет.

Птолемус не собирался убивать Шейда, но, конечно, он не против. Еще один мертвый враг, подумаешь. Еще одно препятствие, еще один безликий, безымянный труп. Сколько раз я проделывала то же самое?

Наверное, он даже не знает, кто такой Шейд.

Я помню, что будет дальше, – но, как бы я ни старалась, Самсон не позволяет мне закрыть глаза. Игла изящно протыкает моего брата – мускулы и внутренние органы, кровеносные сосуды и сердце.

Что-то во мне взрывается, и небо отвечает. Мой брат падает – и мой гнев обрушивается с высоты. Но горько-сладкого чувства свободы я не ощущаю. Молния не бьет в землю, убив Элару и разбросав ее охранников, как должна. Самсон ни за что не окажет мне этой маленькой милости. Он прокручивает сцену обратно. Она проигрывается еще раз. Мой брат опять умирает.

Опять.

Опять.

Каждый раз Самсон заставляет меня увидеть что-то новое. Ошибка. Неверный выбор. Решение, которое я могла принять, чтобы спасти Шейда. Совсем небольшое. Сделать лишний шаг тут, повернуться там, бежать чуть быстрее.

Это самая страшная пытка.

«Смотри, что ты сделала. Смотри, что ты сделала. Смотри, что ты сделала».

Голос Самсона гремит вокруг.

Сквозь сцену смерти Шейда прорываются другие воспоминания, одна картина сменяется другой. И каждая несет с собой свой страх, свою слабость. Крошечный трупик, который я обнаружила в Темплине, – Красный младенец, убитый охотниками Мэйвена по его приказу. В следующее мгновение в мое лицо врезается кулак Фарли. Она выкрикивает ужасные вещи, обвиняя меня в смерти Шейда, в то время как собственная боль грозит поглотить ее. Слезы ручьями бегут по щекам Кэла, когда меч дрожит в его руке, а лезвие касается шеи отца. Убогая одинокая могила Шейда на Таке, под осенним

небом. Серебряные охранники, которых я убила в Корросе, в Причальной гавани, мужчины и женщины, которые просто выполняли приказы. У них не было выбора. Не было выбора.

Я помню все смерти. Всю душевную боль. Выражение лица сестры, когда охранник сломал ей руку. Окровавленные костяшки Килорна, когда он выяснил, что его заберут в армию. Братьев, которых отправили на войну. Отца, вернувшегося с фронта лишь наполовину человеком, телесно и духовно, прикованного к шаткому креслу и прошедшего полжизни вдали от родных. Печальные глаза мамы, когда она сказала, что гордится мной. Ложь. Ложь. И наконец, я вспоминаю ноющую боль – мрачную правду, которая наполняла все минуты моей прежней жизни. Что я бесповоротно приговорена.

Я и сейчас обречена.

Самсон с азартом перебирает всё это, прокручивает бесполезные воспоминания, останавливаясь лишь для того, чтобы обрушить на меня новую порцию боли. В сознании мелькают тени. Движущиеся образы, которые стоят за каждой мучительной историей. Самсон проматывает их, слишком быстро, чтобы я успела уцепиться. Но мне хватает. Лицо полковника, его кровавый глаз, губы, выговаривающие слова, которых я не слышу. Но, несомненно, слышит Самсон. Вот чего он ищет. Данные. Секреты, которые можно использовать, чтобы подавить восстание. Я чувствую себя треснутым яйцом, из которого медленно сочится содержимое. Самсон вытягивает из меня всё, что хочет. Мне даже не хватает сил устыдиться того, что он рано или поздно найдет.

Ночи, которые я провела, прижавшись к Кэлу. Кэмерон, которую я заставила к нам присоединиться. Вороватое чтение кошмарных записок Мэйвена. Воспоминания об одиноком мальчике-принце – каким он мне представлялся. Моя трусость. Мои кошмары. Мои ошибки. Эгоизм, который привел меня сюда.

«Посмотри, что ты сделала. Посмотри, что ты сделала. Посмотри, что ты сделала».

Мэйвен скоро обо всем узнает.

Он всегда этого хотел.

Слова, нацарапанные его петлистым почерком, жгут мою душу.

«Я скучаю по тебе».

«До встречи»

4. Кэмерон

Я до сих пор не верю, что мы выжили. Иногда мне это снится. Я вижу, как Мэру тащат прочь, – ее тело прочно зажато между двумя огромными сильноруками. Они в перчатках, чтоб защититься от молнии, – правда, она и не пыталась ею воспользоваться, после того как заключила сделку. Ее жизнь в обмен на наши. Я не ожидала, что король Мэйвен сдержит слово. Особенно когда тут же оказался его брат-изгнанник. Но он не соврал. Мэра была нужна ему больше остальных.

И все-таки я пробуждаюсь от привычного кошмара, в страхе, что Мэйвен и его охотники вернулись добить нас. Однако похрапывания в спальне отгоняют эту мысль.

Мне сказали, что новая штаб-квартира – сплошные развалины, однако я ожидала чего-то более похожего на Так. Некогда заброшенные корпуса, уединенные, но вполне функциональные, втайне отстроенные с помощью средств, какие сумело добыть быстро расширяющееся подполье. Я возненавидела Так с первого взгляда. Казармы и солдаты, похожие на охранников – пусть и Красные, – слишком сильно напоминали тюрьму Коррос. Остров казался мне новой тюрьмой. Еще одной камерой, в которую меня засунули, с той разницей, что это сделала Мэра Бэрроу, а не Серебряный охранник. Но, по крайней мере, на Таке я видела небо над собой. Мои легкие наполнял свежий ветер. По сравнению с Корросом, Новым городом и с нашим нынешним убежищем Так был просто прекрасен.

А теперь я дрожу от холода вместе с остальными в бетонных туннелях Ирабеллы, цитадели Алой гвардии на окраине города под названием Трайал. Стены кажутся ледяными на ощупь; в тех комнатах, где нет источника тепла, с потолка свисают сосульки. Некоторые бойцы Гвардии ходят за Кэлом по пятам, чтобы греться исходящим от него теплом. Я, наоборот, избегаю этого здоровяка по мере сил. Я не нужна Серебряному принцу, который смотрит на меня исключительно с упреком.

Как будто я могла спасти Мэру.

Моей едва обретенной способности, разумеется, не хватило. «И твоей тоже, твое хреновое высочество», – хочу я сказать Кэлу всякий раз, когда мы пересекаемся. Пламя принца не справилось с Мэйвеном и его охотниками. Кроме того, Мэра предложила сделку и совершила свой выбор. Если он и вправе на кого-то сердиться, пусть сердится на нее.

Девочка-молния сделала это, чтобы спасти нас, и я ей очень благодарна. Пусть даже она была себялюбивой лицемеркой, она не заслуживает плена.

Полковник отдал приказ эвакуироваться с Така в тот момент, когда мы связались с ним по радиации. Он знал, что первый же допрос Мэры Бэрроу приведет врагов прямо на остров. Фарли сумела переправить всех в безопасное место, кого на лодках, кого на огромном грузовом самолете, который мы угнали из Корроса. Нашу же компанию вынудили идти пешком, спешно двигаясь прочь от места крушения самолета к точке встречи с полковником, по ту сторону границы. Я говорю «вынудили», потому что мне опять приказывали, что делать и куда идти. Мы летели в Чок, чтобы спасти легион солдат-подростков. В их числе был мой брат. Но от этой миссии пришлось отказаться. «Придется подождать», – говорили мне всякий раз, когда я набиралась смелости и отказывалась уходить от линии фронта.

При воспоминании об этом у меня горят щеки. Нужно было идти своей дорогой. Они бы не справились со мной. Не смогли бы. Но мне было страшно. Оказавшись неподалеку от передовой, я поняла, что такое пробираться одной. Я могла погибнуть понапрасну. И все-таки мне стыдно. Я ушла и снова бросила брата.

Через несколько недель все наконец воссоединились. Фарли со своими бойцами прибыла последней. Всё время, пока ее не было, полковник ходил туда-сюда по холодным коридорам нашего нового убежища.

По крайней мере, заточение Бэрроу играет нам на руку. Такая ценная пленница привлекает максимум внимания к себе. Не говоря уж о вспыхнувшем мятеже в Корвиуме. Все передвижения войск в окрестностях Чока прекратились. Мой брат спасен. Ну, насколько может быть в безопасности

пятнадцатилетний парень с ружьем и в форме. Во всяком случае, ему уж точно лучше, чем Мэре.

Не знаю, сколько раз я видела обращение короля Мэйвена. Кэл занял угол в пункте управления и прокручивал запись снова и снова, когда мы пришли. Увидев ее в первый раз, мы, кажется, разом затаили дыхание. Все боялись худшего. Мы думали, сейчас Мэра лишится головы. Ее братья были вне себя, они едва сдерживали слезы, а Килорн не мог даже взглянуть на экран – он закрывал лицо ладонями. Когда Мэйвен объявил, что казнь для нее – это слишком хорошо, Бри чуть не упал в обморок от облегчения. Но Кэл смотрел на экран в глубоком молчании, сосредоточенно сдвинув брови. В глубине души он, как и все мы, знал, что Мэру Бэрроу ожидает нечто худшее, чем смерть.

Она опустилась на колени перед Серебряным королем и не шелохнулась, когда он надел на нее ошейник. Ничего не сказала, ничего не сделала. Позволила Мэйвену назвать ее террористкой и убийцей на глазах у целой страны. Отчасти мне хотелось, чтобы она возразила, но я понимала, что Мэра не могла выйти из роли. Она гневно смотрела вокруг, обводя взглядом Серебряных, столпившихся у возвышения. Они все хотели подобраться к ней поближе. Охотники возле ценной добычи.

Даже в короне Мэйвен выглядит не очень-то по-королевски. Он утомлен, может быть, нездоров и уж точно зол. Наверное, потому, что стоящая перед ним девушка совсем недавно убила его мать. Он дергает Мэру за ошейник и тащит во дворец. Напоследок она бросает взгляд через плечо. Широко раскрытые глаза кого-то ищут. Но второй рывок заставляет Мэру отвернуться, и больше мы не видим ее лица.

Она там, а я тут – плесневею, мерзну, трачу дни на починку оборудования, которое старше, чем я. Пустая трата сил.

Я провожу еще одну, последнюю, минутку в койке, думая о брате – где он, что делает. Морри. Мой брат-близнец – но, кроме внешности, у нас нет ничего общего. Для жестокого мира Нового города он был слишком мягким, и от фабричного дыма его вечно мутило. Не хочу думать, во что Морри может превратиться армейская подготовка. Техи всегда считались либо слишком ценными, либо слишком слабыми для армии. Пока Алая гвардия не вмешалась в ход вещей, убив нескольких Серебряных и вынудив старого короля кое-что придумать в ответ. Нас обоих послали на фронт, хотя мы и работали. Хотя нам всего пятнадцать. Проклятые Меры, введенные родным отцом Кэла, всё изменили. Нам сообщили, что теперь мы солдаты, и оторвали от родителей.

Почти немедленно нас разделили. Мое имя оказалось в каком-то особом списке, а Морри – нет. Некогда я была благодарна, что в Коррос отправили именно меня. Морри бы не пережил тюрьмы. Теперь я мечтаю, чтоб мы могли поменяться местами. Чтобы он был свободен, а я на фронте. Но сколько бы раз я ни просила полковника еще разок попытать удачи, он неизменно меня прогонял.

Значит, можно попробовать снова.

Пояс с инструментами висит знакомой тяжестью на бедрах, позвякивая при каждом шаге. Моя целеустремленность способна отпугнуть любого, кто пожелает меня остановить. Но в основном коридоры пусты. Никто не видит, как я иду по ним, жуя полученный за завтраком хлебец. Капитаны и их взводы, очевидно, снова в патруле – они производят разведку в Трайале и на границе. Ищут Красных – тех, кому посчастливилось пробраться на север. Некоторые приходят, чтобы присоединиться к нам, но это всегда люди призывного возраста или рабочие с полезными навыками. Не знаю, куда

отправляют детей-сирот, стариков и старух. Тех, кто только будет мешаться.

Таких, как я. Но я путаюсь под ногами намеренно. Это единственный способ добиться внимания.

Кладовка полковника, в смысле кабинет, находится этажом выше спальни. Я не удосуживаюсь постучать и сразу берусь за дверную ручку. Она легко поворачивается. За ней – мрачная тесная комнатка с бетонными стенами. Несколько запертых шкафов, и стол, который занят.

– Он в пункте управления, – говорит Фарли, не отрываясь от бумаг.

Руки у нее измазаны чернилами. Пятна даже на носу и под налитыми кровью глазами. Она изучает какую-то переписку, зашифрованные приказы и сообщения. Несомненно, от командования, думаю я, припомнив разные слухи о верхнем эшелоне Алой гвардии. Люди мало что знают про командование, а уж тем более я. Никто ничего мне не говорит, если только не попросить десять раз.

Я хмурюсь, увидев Фарли. Хотя живот скрыт столом, ее положение стало заметным. Лицо и руки опухли. И это не говоря о трех тарелках, полных объедков.

– Фарли, наверное, иногда надо спать.

– Наверное.

Кажется, моя забота ее раздражает.

«Ну и ладно, не слушай». Тихо вздохнув, я поворачиваюсь к двери и оставляю Фарли за спиной.

– Передай ему, что Корвиум на грани, – добавляет Фарли сильным и резким голосом.

Приказ – и в то же время кое-что еще.

Приподняв бровь, я смотрю на нее через плечо.

– На грани чего?

– Там вспыхивают волнения, время от времени мы получаем сведения об убитых Серебряных охранниках, а склады вооружения приобрели скверную привычку взрываться, – Фарли почти улыбается при этих словах.

Почти. Я не видела ее улыбки с тех пор, как погиб Шейд Бэрроу.

– Что-то знакомое. Алая гвардия в городе?

Наконец Фарли поднимает голову.

– Нам это неизвестно.

– Значит, восстали легионы. – В моей груди вспыхивает надежда. – Красные солдаты..

– В Корвиуме их тысячи. И кое до кого уже дошло, что числом они превосходят Серебряных офицеров. По крайней мере, вчетверо.

Вчетверо. И тут моя надежда испаряется. Я своими глазами видела, на что способны Серебряные. Я была их пленницей, их противником – я могла бороться с ними только благодаря собственной способности. Четверо Красных на одного Серебряного – это самоубийство. Чистый проигрыш. Но Фарли, кажется, считает иначе.

Она ощущает мою тревогу и, по мере сил, смягчается. Ну, как если бы бритва превратилась в нож.

– Твоего брата нет в городе. Легион «Кинжал» по-прежнему за линией фронта в Чоке.

Застрял между минным полем и бунтующим городом. Потрясающе.

– Я беспокоюсь не о Морри.

«Во всяком случае, не прямо сейчас».

– Я просто не понимаю, как они рассчитывают захватить город. На их стороне количество, но Серебряные... короче, это Серебряные. Два десятка магнетронов могут перебить сотни Красных, не моргнув глазом.

Я мысленно рисую себе Корвиум. Я видела его только в коротких репортажах, обрывках передач и новостей, которые доходили до Алой гвардии. Это, скорее, крепость, чем город, окруженная стенами из угрюмого черного камня, – монолит, обращенный на север, на бесплодные пустоши войны. Что-то в нем напоминает мне место, которое я неохотно называла домом. Новый город тоже окружали стены, но нашей единственной возможностью взбунтоваться было опоздать на смену или выскользнуть из дому после комендантского часа. Мы ничего не могли сделать. Наши жизни были бессмысленны, как дым.

Фарли вновь берется за работу.

– Просто передай ему то, что я сказала. Он знает, как быть.

Мне остается лишь кивнуть – и закрыть дверь в ту секунду, когда Фарли тщетно пытается подавить зевок.

– Надо отладить видеопередатчики, приказ капитана Фарли...

Двое бойцов Гвардии, которые стоят у двери в центральный пункт управления, отступают, прежде чем я успеваю доврять до конца. Оба смотрят в сторону, избегая моего взгляда, и я чувствую, как на моем лице вспыхивает виноватый румянец.

Новокровки пугают людей точно так же, как и Серебряные, если не больше. Красные, обладающие способностями, столь же непредсказуемы, столь же могущественны, столь же опасны – с точки зрения обычного человека.

Когда я, вместе с другими новокровками, прибыла в Ирабеллу, слухи о нас стали распространяться, как эпидемия. «Та странная женщина умеет менять себе лицо. Этот дерганый тип может наплести иллюзий. Девочка-тех убивает мыслью». Ужасно, когда тебя боятся. А хуже всего – я никого не в силах винить. Мы непохожие и странные, у нас есть сила, с которой не в состоянии тягаться даже Серебряные. Мы – оборванные провода, сломанные машины; мы продолжаем постигать себя и свои способности. Кто знает, чем мы можем стать?

Я подавляю привычную неловкость и захожу в комнату.

Командный пункт обычно полон включенных экранов и раций, однако сейчас в помещении царит странная тишина. Гудит только один-единственный передатчик, выдавая длинную ленту бумаги, на которой напечатано зашифрованное сообщение. Полковник стоит над прибором и читает всё удлиняющийся текст. Его обычные тени, братья Мэры, сидят рядом, оба нервные, как кролики. При взгляде на четвертого человека в этой комнате я понимаю, что за сообщение они получили.

Известия о Мэре Бэрроу.

Иначе что тут делать Кэлу?

Он хмурится, как обычно, положив подбородок на сплетенные пальцы. Долгие дни под землей сыграли свою роль – его светлая кожа стала еще бледнее. Для принца он как-то уж слишком распускается в тяжелые времена. Прямо сейчас Кэл выглядит так, словно ему необходимы душ и бритва, а еще – несколько увесистых затрещин, чтобы выйти из ступора. Но он по-прежнему остается солдатом. Он первым переводит взгляд на меня.

– Кэмерон, – произносит он, стараясь говорить спокойно.

– Калор.

В лучшем случае он – принц-изгнанник. Нет нужды в титулах. Разве что я хочу его позлить.

Отец и дочь – два сапога пара. Полковник Фарли не отрывается от ленты, однако отмечает мое присутствие преувеличенным вздохом.

– Давай не будем тратить время, Кэмерон. У меня нет ни людей, ни ресурсов, чтобы предпринять попытку спасения целого легиона.

Я беззвучно проговариваю эти слова вместе с ним. Он произносит их почти каждый день.

– Легион едва обученных подростков, которых Мэйвен погубит, как только ему представится возможность, – возражаю я.

– И ты продолжаешь мне об этом твердить.

– Иначе вы забудете! Сэр, – добавляю я, слегка вздрогнув.

«Сэр». Я не приносила присягу Гвардии, хоть они и обращаются со мной как со своей.

Полковник прищуривается, глядя на бумажную ленту.

– Ее допрашивали.

Кэл встает так быстро, что стул падает.

– Мерандус?

По комнате прокатывается волна жара, и я чувствую приступ дурноты. Не из-за Кэла – из-за Мэры. Из-за ужасов, которые она сейчас переживает. Расстроившись, я сцепляю руки на затылке и тяну себя за вьющиеся волосы в основании шеи.

– Да, – отвечает полковник. – Некто по имени Самсон.

Принц произносит довольно цветистое для аристократа ругательство.

- И что это значит? - спрашивает Бри, рослый старший брат Мэры.

Трами, второй и последний из оставшихся в живых братьев Бэрроу, хмурится.

- Мерандусы - клан королевы. Шепоты... они читают мысли. Они разорвут ее на части, чтобы найти нас.

- Или просто для развлечения, - глухо рокочет Кэл.

Оба брата Бэрроу краснеют при этих словах. Бри энергично смаргивает внезапные слезы. Мне хочется взять его за руку, но я остаюсь на месте. Я уже слишком часто видела, как люди шарахаются от моего прикосновения.

- Вот почему Мэра ничего не знает о наших операциях за пределами Така, а Так полностью эвакуирован, - быстро произносит полковник.

Это правда. Гвардия покинула Так с невероятной скоростью, побросав всё, о чем знала Мэра Бэрроу. Даже Серебряных, которых мы захватили в Корросе - ну или спасли, - полковник оставил на побережье материка. Слишком опасны, чтобы за них цепляться, слишком многочисленны, чтобы контролировать.

Я пробыла с Алой гвардией всего месяц, но уже знаю их любимые фразы наизусть. «Восстаньте, алые, как рассвет», конечно, и «знай только то, что тебе надо». Первое - боевой клич, второе - предупреждение.

- Всё, что она выдаст им, будет в лучшем случае третьестепенным, - добавляет полковник. - Ничего важного о командовании и весьма немного о наших делах за пределами Норты.

«Никого это не волнует, полковник».

Мне приходится прикусить язык, чтобы не сорваться.

«Мэра в плену. Даже если они не узнают ничего об Озерном крае, Пьемонте и Монфоре...»

Монфор. Отдаленное государство, где установлена так называемая демократия - Красные, Серебряные и новокровки живут на равных. Рай? Может быть. Но я уже давно поняла, что рай на земле не существует. Теперь я, наверное, знаю о Монфоре больше, чем Мэра, потому что близнецы Раш и Тахир постоянно разглагольствуют о достоинствах своей республики. Я не настолько глупа, чтобы доверять их словам. И потом, это чистая мука - беседовать с людьми, которые постоянно договаривают друг за друга фразы. Иногда мне хочется заглушить обоих, рассечь связь, которая соединяет их головы. Но это будет жестоко, а главное - глупо. Люди и так относятся к нам с подозрением - не надо показывать им новокровок, которые меряются способностями.

- То, что они от нее узнают, сейчас имеет какое-то реальное значение? - выговариваю я сквозь зубы.

Надеюсь, полковник понимает, что я имею в виду. «По крайней мере, пожалей ее братьев. Имей совесть».

Он моргает - одним здоровым глазом и одним кровавым.

- Если разведанные тебе не по нраву, не ходи в командный пункт. Нам нужно знать, что выбили из Мэры на допросе.

– Самсон Мерандус – участник боев на арене, хотя не имеет для этого никаких оснований, – негромко говорит Кэл. Он старается быть деликатным. – Он обожает использовать свою способность, чтобы причинять боль. Если именно он допрашивает Мэру, то...

Он с трудом подбирает слова, не в силах говорить дальше.

– Это будет просто пытка. Мэйвен отдал ее в руки палачу.

Кэл смотрит в пол и долго молчит, стараясь не терять мужества.

– Я никогда не думал, что Мэйвен так поступит с ней, – наконец произносит он тихо. – Мэра, наверное, тоже.

«Значит, вы оба идиоты! – мысленно кричу я. – Сколько раз этот злобный мальчишка должен вас предать, прежде чем вы усвоите урок?»

– Тебе нужно что-нибудь еще, Кэмерон? – спрашивает полковник.

Он сматывает сообщение, как клубок. Остальное, очевидно, не предназначено для моих ушей.

– Я насчет Корвиума. Фарли говорит, он на грани.

Полковник моргает.

– Это ее слова?

– Я же сказала.

Внезапно я перестаю быть центром внимания. Полковник переводит взгляд на Кэла.

– Надо нажать.

Он, кажется, исполнен рвения, зато Кэл сильно сомневается. Он стоит неподвижно, зная, что любой жест может выдать его подлинные чувства. Но неподвижность не менее красноречива.

– Я подумаю, что тут можно сделать, – наконец произносит он.

Полковнику, кажется, этого достаточно. Он кивает, прежде чем вновь взглянуть на братьев Мэры.

– Лучше известите родных, – говорит он, по крайней мере, притворяясь деликатным. – И Килорна.

Я переступаю с ноги на ногу, с тревогой наблюдая за тем, как они осмысливают страшные новости о сестре и принимают тяжкое бремя – сообщить об этом остальным родственникам. Бри лишается дара речи, но у Трами хватает сил, чтобы ответить за себя и старшего брата.

– Да, сэр, – отвечает он. – Хотя я не знаю, где сейчас Уоррен.

– Загляни в казарму новокровок, – говорю я. – Чаше всего он там.

Действительно, большую часть времени Килорн проводит с Адой. После гибели Кеты Ада взяла на себя нелегкую обязанность учить его чтению и письму. Хотя, подозреваю, он общается с нами, потому что больше у него никого нет. Бэрроу заменяли ему семью, а теперь их преследуют призраки и

воспоминания. Я вообще не видела родителей Мэри. Они держатся наособицу, где-то в глубине туннелей.

Мы, все четверо, неуклюже, в неловком молчании выходим из командного пункта. Бри и Трами быстро покидают нас и направляются в другую часть базы, туда, где живет их семья. Я им не завидую. Помню, как вопила мама, когда нас с братом забрали. Не знаю, что больнее – вообще не иметь весточек от детей, зная, что они в опасности, или получать скверные новости постепенно.

Я этого никогда не узнаю. В нашем глупом, искаженном мире не место детям, особенно моим.

Я отступаю от Кэла, но тут же передумываю. Мы почти одного роста – и мне нетрудно догнать его, хотя он шагает торопливо.

– В это дело нужно вкладываться всем сердцем, иначе зря погибнет прорва народу.

Он разворачивается так быстро и мощно, что я чуть не падаю. Я лично видела огонь Кэла, но никогда он не был таким ярким, как пламя, горящее в его глазах.

– Кэмерон, мое сердце вложено сюда самым буквальным образом, – шипит он сквозь стиснутые зубы.

Ах, какие пышные фразы. Признание в любви. Я с трудом удерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

– Красивые слова тебе пригодятся, когда мы ее вернем, – ворчу я.

«Когда». Не «если». Он чуть не поджег командный пункт, когда полковник отклонил его предложение найти какой-нибудь способ обмениваться сообщениями с Мэри. И я не хочу, чтобы он из-за неудачной формулировки расплавил коридор.

Кэл движется дальше, вдвое прибавив скорости, но меня не так легко обогнать, как девочку-молнию.

– Я просто хочу сказать, что у полковника есть свои стратеги... командование... офицеры Алой гвардии, у которых... – я ищу подходящее выражение, – ...нет сталкивающихся интересов.

Кэл шумно фыркает, и его широкие плечи вздымаются и опускаются. Очевидно, уроки этикета, которые он получал, значительно уступали в количестве урокам военной подготовки.

– Покажи мне офицера, который знает больше, чем я, о распорядке и укреплениях Корвиума. Тогда я охотно умою руки.

– Не сомневаюсь, что кто-нибудь есть, Калор.

– Тот, кто уже сражался вместе с новокровками? Знает ваши способности? Понимает, как использовать вас в бою наилучшим способом?

Я напрягаюсь, услышав это слово. И презрительно повторяю:

– Использовать.

Действительно. Я вспоминаю тех, кто не вернулся из Корроса. Новокровок, завербованных Мэри Бэрроу. Новокровок, которым она обещала защиту.

Вместо этого Мэра и Кэл бросили нас в бой, к которому мы не были готовы, и стало ясно, что она не способна защитить даже себя. Никс, Гарет, Кета, заключенные, чьих имен я не знала. Погибли десятки человек. Их сбросили со счета, как фигурки с шахматной доски.

Так всегда вели себя наши Серебряные господа. Так Кэла учили драться. Победа любой ценой. За каждый отвоеванный сантиметр плати кровью Красных.

- Ты же понимаешь, что я имею в виду.

Я фыркаю.

- Возможно, именно поэтому я и сомневаюсь.

«Это грубо, Кэмерон».

- Послушай, - продолжаю я, сменив тактику. - Я знаю, что сожгла бы здесь всё, если бы это вернуло мне брата. К счастью, мне не придется принимать такое решение. Но у тебя... у тебя есть этот вариант. Я хочу убедиться, что ты его не выберешь.

Это правда. Мы здесь по одной и той же причине. Не из слепого повиновения Алой гвардии, но лишь потому, что она - наша единственная надежда спасти тех, кого мы любили и потеряли.

Кэл криво улыбается, той самой улыбкой, от которой Мэра теряла голову. Вид у него дурацкий.

- Не пытайся меня уболтать, Кэмерон. Я делаю всё возможное, чтобы спасти нас от очередной бойни. Всё, - лицо у него каменеет. - По-твоему, только Серебряных не волнует ничего, кроме победы? - негромко спрашивает он. - Я видел отчеты полковника. Видел его переписку с командованием. Кое-что слышал. Ты окружена людьми, которые думают точно так же. Они сожгут нас всех, чтобы добиться своего.

«Может, ты и прав. Но, по крайней мере, они хотят справедливости».

Я думаю о Фарли, о полковнике, о принесших присягу бойцах Алой гвардии, о Красных беженцах, которых они защищают. Я видела своими глазами, как они переправляли людей через границу. Я сидела в самолете, который несся к Чоку, чтобы спасти солдат-подростков. Они ставят цели, за которые приходится дорого платить, но они - не Серебряные. Они убивают, но не без причины.

Алая гвардия - не мирная организация, но миру нет места в этом столкновении. Неважно, что думает Кэл об их методах и тайнах. Это - наш единственный шанс бороться с Серебряными и победить. Сородичи Кэла сами навлекли на себя беду.

- Если ты так волнуешься, сиди здесь, - говорит он, наигранно пожимая плечами.

- И упустить шанс окрасить свои руки Серебряной кровью? - гневно спрашиваю я.

Не знаю, то ли это слабая попытка пошутить, то ли прямая угроза. Мое терпение вновь угрожает лопнуть. Спасибо, я уже слушала нытье ходячего промоотвода. И не собираюсь терпеть надменность какого-то ударившегося в депрессию принца.

Вновь глаза Кэла вспыхивают гневом и жаром. Интересно, хватит ли у меня скорости, чтобы справиться с ним. Какая это будет схватка. Огонь против тишины. Кто из нас сторит?

- Забавно, ты просишь меня бережнее относиться к человеческим жизням. Помнится, там, в тюрьме, ты никого не щадила.

Тюрьма, в которой меня держали. Голодную, измученную, вынужденную наблюдать, как люди вокруг увядают и умирают, только потому что они родились... не такими. Но еще до того как попасть в Коррос, я была заключенной. Я - дочь Нового города, с рождения призванная в армию техов, обреченная провести всю жизнь в полумраке и пепле, подчиняясь фабричным гудкам и рабочему расписанию. Разумеется, я пыталась убить тех, кто держал меня в плену. И повторила бы, будь у меня такая возможность.

- И я этим горжусь, - говорю я, вздернув подбородок.

Я привожу Кэла в отчаяние, это очевидно. Вот и хорошо. Никакие речи не заставят меня с ним согласиться. Сомневаюсь, что и другие станут слушать. Кэл - принц Норты. Изгнанный, да, - но он во всем от нас отличается. Его способностью пользуются так же, как и моей, но Кэл - орудие, которое едва терпят. Слова принца не выходят за пределы узкого круга. И в основном к ним никто не прислушивается. Особенно я.

Без предупреждения он сворачивает в небольшой коридор, один из многих, пробурывающих базу, словно кроличьи норы. Этот коридор ответвляется от главного прохода и под небольшим углом идет вверх. Недоумеваю, я смотрю Кэлу вслед. В той стороне ничего нет. Только пустые коридоры, заброшенные, безлюдные.

Но что-то не дает мне покоя. «Я кое-что слышал», - сказал Кэл. В моей груди вспыхивает подозрение, по мере того как его массивная фигура с каждой секундой становится всё меньше.

На мгновение я колеблюсь. Я не друг Кэлу. Трудно даже сказать, что мы на одной стороне.

Но он до безумия благороден. Он не причинит мне вреда.

Поэтому я иду за ним.

Этим коридором явно никто не пользуется - он полон всякого хлама, и в тех местах, где перегорели лампочки, стоит полумрак. Даже на расстоянии Кэл нагревает застоявшийся воздух. Температура довольно приятная, и я делаю мысленную пометку: поговорить с другими техами. Может быть, мы придумаем, как нагреть нижние коридоры, используя сжатый воздух.

Я считаю провода на потолке. Их слишком много для немногочисленных лампочек.

Потом я отстаю и наблюдаю, как Кэл плечом отодвигает от стены несколько деревянных ящиков и кусков железа. За ними - дверь. Провода тянутся в помещение, скрытое за ней. Когда Кэл исчезает, затворив дверь за собой, я осмеливаюсь подобраться чуть ближе.

Становится видна путаница проводов. Это радиорубка. Теперь я вижу ее совершенно ясно. Красноречивое переплетение черной проволоки означает, что из помещения за дверью можно связаться с кем-то за стенами Ирабеллы.

Но с кем может общаться Кэл?

Мое первое желание – сообщить Фарли или Килорну.

Но.. если Кэл думает, что может удержать меня и еще тысячу человек от самоубийственной атаки на Корвиум, пускай продолжает.

Надеюсь, я об этом не пожалею.

5. Мэра

Я плаваю в темном море, и тени плавают вместе со мной.

Может быть, это воспоминания. Или сны. Знакомые, но странные – и с каждым что-то не так. Глаза Кэла налиты серебристой, горячей, дымящейся кровью. Лицо моего брата больше похоже на череп. Папа поднимается с кресла, однако его ноги тонки, как палочки, узловаты, ненадежны и готовы подломиться на каждом шагу. В обеих руках у Гизы торчат металлические булавки, а рот у нее зашит. Килорн тонет в реке, запутавшись в своих прекрасных сетях. Красные крысы сыплются из перерезанного горла Фарли. Кэмерон царапает себе шею, пытаюсь заговорить, в ловушке собственного молчания. Металлические чешуйки ползут по телу Эванжелины, покрывая ее полностью. А Мэйвен тяжело опускается на свой странный трон, и тот сжимается и поглощает его, так что он сам превращается в камень – сидячую статую с сапфировыми глазами, полными алмазных слез.

Краем глаза я замечаю что-то фиолетовое. Я пытаюсь повернуться, слиться с ним, зная, что это такое. Моя молния так близко. Если бы только я могла уцепиться за воспоминание о ней и ощутить напоследок капельку свободы, прежде чем снова рухнуть в темноту. Но молния гаснет и исчезает, как и всё остальное. Я думаю, что сейчас, в наступающей темноте, станет холодно. Но вместо этого чувствую жар.

Мэйвен внезапно оказывается нестерпимо близко. Синие глаза, черные волосы, бледное, как у мертвеца, лицо. Его рука висит в несколько сантиметрах от моей щеки. Она дрожит – ему хочется и прикоснуться, и отстраниться. Не знаю, что я бы предпочла.

Я думаю, что сплю. Тьма и свет меняются местами, растягиваются во все стороны. Я пытаюсь пошевелиться, но руки и ноги отяжелели. В этом виноваты оковы, или стражи, или то и другое. Они тянут меня к земле сильнее прежнего, и ужасные видения – единственное мое прибежище. Я пытаюсь ухватить то, что важнее всего – Шейд, Гиза, прочие члены моей семьи, Кэл, Килорн, молния. Но они постоянно ускользают или гаснут, едва я до них дотягиваюсь. Видимо, это еще одна попытка – Самсон доводит меня до предела, даже когда я сплю. Мэйвен тоже здесь, но я не приближаюсь к нему, и он не движется. Только сидит и смотрит, касаясь одной рукой виска, чтобы унять боль. Не моргает.

Проходят то ли годы, то ли секунды. Давление притупляется. Мое сознание становится ясным. Туман, который удерживал меня в плену, рассеивается, словно сожженный солнцем. Мне позволено проснуться.

Я хочу пить – все внутренние запасы влаги я исчерпала горькими слезами, хотя и не помню, как плакала. Гнетущая тяжесть тишины давит, как всегда. Мне вдруг становится трудно дышать, и я задумываюсь, что, возможно, так и умру. Утонув в шелковой постели, спаленная одержимостью короля, задущенная свежим воздухом.

Я снова в своей темнице-спальне. Может, я всё время тут и была. Белый свет, льющийся из окон, дает понять, что снова шел снег. В наружном мире наступила зима. Когда мои глаза привыкают к свету и очертания предметов в комнате делаются отчетливее, я осмеливаюсь оглядеться. Повожу глазами направо и налево, двигаясь не больше необходимого. Впрочем, это неважно.

Арвены стоят на страже у четырех углов моей постели и все смотрят на меня. Кошка, Клевер, Трио и Яйцеголовый. Когда я моргаю, они переглядываются.

Самсона нигде не видно, хотя я ожидала, что он нависнет надо мной со злобной улыбкой и язвительно пожелает доброго утра. Вместо него в ногах кровати стоит маленькая женщина в простой одежде, с гладкой, иссиня-черной кожей, похожей на полированный драгоценный камень. Я ее не знаю, но в ней есть нечто знакомое. Потом я понимаю, что мерещившиеся мне оковы – это на самом деле ее руки. Она крепко держит меня за лодыжки и прикосновением умеряет боль.

Я узнаю цвета. На плечах у женщины пересекаются алый и серебряный, символизируя оба типа крови. Это целитель. Целитель кожи. Из Дома Сконоса. То, что я ощущаю при ее прикосновении, – признак исцеления; ну или, по крайней мере, она удерживает меня живой под спудом четырех столпов молчания. Их способности, очевидно, хватило бы, чтобы убить меня, не будь тут целителя. Тонкий баланс, который надо поддерживать. Видимо, она очень талантлива. У нее глаза, как у Сары. Яркие, темно-серые, выразительные.

Но женщина не смотрит на меня. Ее взгляд устремлен вправо.

Я смотрю туда же и вздрагиваю.

Мэйвен сидит точно так же, как во сне. Неподвижно, сосредоточенно, приложив руку к виску. Другая рука движется, отдавая беззвучные приказы.

И оковы действительно есть. Стражи быстро укрепляют у меня на лодыжках и запястьях странные плетеные металлические штуки, усаженные гладкими полированными шариками. Я пытаюсь понять, что они делают с ключом, но он то появляется в поле зрения, то исчезает. Только оковы остаются неизменными. Они тяжелые и холодные. Я ожидаю, что сейчас на меня наденут новый ошейник, но моя шея, к счастью, остается свободной от драгоценных шипов.

К моему безграничному удивлению, целитель и охранники выходят из комнаты. Я с недоумением смотрю им вслед, пытаюсь скрыть внезапное возбуждение, от которого бешено колотится сердце.

Все здесь настолько глупы? Меня оставят наедине с Мэйвеном? Он думает, я не попытаюсь тут же убить его?

Я поворачиваюсь к нему, пытаюсь выбраться из постели. Пошевелиться. Но удается только сесть, как будто моя кровь превратилась в свинец. И я сразу понимаю, в чем причина.

– Я прекрасно знаю, что ты хотела бы со мной сделать, – говорит Мэйвен едва слышно.

Я стискиваю кулаки. Пальцы подрагивают, когда я тщетно тянусь к своей молнии, которая не может мне ответить.

– Снова Молчаливые камни, – негромко произношу я, выговаривая эти слова как ругательство.

Полированные шарики моих оков.

- Боюсь, у тебя скоро закончится запас.

- Не беспокойся, поставки идут бесперебойно.

Как в камере под Чашей костей, я плюю в него. Плевком приземляется у ног Мэйвена. Тот не возражает. Более того, он улыбается.

- Отучайся от этого. Суд не оценит такое поведение.

- Мне всё ра... Суд? - быстро переспрашиваю я.

Он улыбается еще шире.

- Я не оговорился.

У меня внутри всё сжимается при виде его улыбки.

- Прелестно, - говорю я. - Тебя не устраивает, что я сижу слишком далеко.

- Вообще-то мне трудновато находиться так близко к тебе.

Мэйвен оглядывает меня, с каким-то чувством, которое я не желаю понимать.

- Взаимно, - рычу я, хотя бы только для того, чтобы пропала эта странная мягкость.

Я предпочту иметь дело с его огнем и гневом, а не с тихими словами.

Но Мэйвен не поддается.

- Сомневаюсь.

- В таком случае где мой поводок? Мне принесут новый?

- Ни поводка, ни ошейника, - Мэйвен указывает кивком на мои оковы. - Теперь - ничего, кроме них.

Я совершенно не представляю, чего он хочет. Но я уже давно перестала пытаться понять Мэйвена Калора и изгибы его загадочного ума. Поэтому я позволяю ему говорить. В конце концов он всегда выдает то, что мне нужно.

- Твой допрос оказался очень плодотворным. Мы многое узнали о тебе и о террористах, называющих себя Алой гвардией.

У меня перехватывает дыхание. Что они выяснили? Что я выдала? Я пытаюсь припомнить самые важные сведения, которыми располагала, и сообразить, что окажется наиболее вредоносным для моих друзей. Остров Так, близнецы из Монфора, способности новокровок?

- Жесткие люди, да? - продолжает Мейен. - Уничтожают всё и всех, кто не похож на них.

- Ты о чем?

Полковник посадил меня под замок, да, и он до сих пор внушает мне страх, но мы стали союзниками. Что задумал Мэйвен?

- О новокровках, конечно.

Я по-прежнему ничего не понимаю. Ему нет причины беспокоиться о Красных, обладающих необычными способностями, не считая, конечно, тех усилий, которые надо предпринять, чтобы от них избавиться. Сначала Мэйвен отрицал, что мы существуем, и называл мои способности фокусом. Теперь мы – чудовища, угроза. То, чего нужно бояться, что нужно уничтожить.

– Как неприятно знать, что с тобой обращались так плохо и что тебе пришлось бежать от этого старика, который зовет себя полковником. – Мэйвен наслаждается, понемногу открывая свой план и дожидаясь, когда я сложу все фрагменты воедино. В голове у меня по-прежнему туман, а в теле слабость, и я отчаянно стараюсь понять, к чему он клонит. – Он хотел переправить тебя в горы. Избавиться от вас всех, как от мусора.

В Монфор. Но я никуда не уехала. И нам предлагали совсем другое.

– Конечно, я огорчился, узнав истинные намерения Алой гвардии. Красный рассвет, красный мир, где не будет места больше никому. Никому.

– Мэйвен, – мой голос дрожит от гнева, который я стараюсь по мере сил вложить в свои слова. Если бы не оковы, я бы взорвалась. – Ты не можешь...

– Не могу что? Сказать правду? Объявить своей стране, что Алая гвардия привлекает к себе новокровок только для того, чтобы убить их? Чтобы устроить истребление среди них, как и среди нас? Что печально известная мятежница Мэра Бэрроу добровольно вернулась ко мне и что всё это было обнаружено во время допроса, при котором невозможно скрыть правду? – Он подается вперед, оказавшись в пределах досягаемости. Но Мэйвен знает, что я не могу пошевелить и пальцем. – Что ты теперь на нашей стороне, поскольку поняла, что на самом деле представляет собой Алая гвардия? Поскольку ты и твои новокровки встревожены так же, как мы, одарены так же, как мы.. во всем Серебряные, как мы, исключая только цвет крови?

Я то открываю, то закрываю рот. Но не могу подобрать слова, чтобы выразить свой ужас. И всё это сделано без шепота королевы Элары. Всё это произошло, после того как она умерла.

«Ты чудовище» – больше ничего я не в силах сказать. Даже без Элары – Мэйвен чудовище.

Он откидывается на спинку, продолжая улыбаться.

– Никогда не говори, что я чего-то не смогу сделать. И не надо недооценивать то, на что я способен, – ради своего королевства.

Его рука ложится на мое запястье, палец касается оков из Молчаливого камня, которые удерживают меня в плену. Я дрожу от страха, но и Мэйвен тоже.

Пока он любуется моими кандалами, у меня есть время рассмотреть его. Обычная одежда, как всегда черная, измята. Никаких украшений. Ни короны, ни орденов. Злой мальчишка, но тем не менее мальчишка.

Тот, с которым я должна как-то бороться. Но как? Я слаба, лишена молнии, и любые мои слова могут быть искажены. Я едва в состоянии ходить, не говоря уж о том, чтобы сбежать без посторонней помощи. Спаситься невозможно – безнадежная мечта, на которую больше не стоит тратить времени. Я в ловушке, в плену у смертельно опасного, коварного короля. Он месяцами следил за мной, преследовал издали, всеми средствами – от телевещаний до страшных записок.

«Я скучаю по тебе. До встречи».

Мэйвен сказал, что он – человек слова. Не исключаю, что только в этом он человек.

Сделав глубокий вдох, я трогаю единственное слабое место, какое, возможно, у него еще осталось.

– Ты сидел здесь?

Он вскидывает на меня синие глаза. Теперь его очередь недоумевать.

– Пока это продолжалось, – я окидываю взглядом свою постель и отворачиваюсь. Слишком больно вспоминать пытку, и, надеюсь, по моему лицу это ясно. – Мне снилось, что ты тут.

Жар, исходящий от Мэйвена, слабеет, и в комнате становится прохладно от приближающейся зимы. Веки у него дрожат, темные ресницы хорошо видны на фоне белой кожи. На мгновение я вспоминаю Мэйвена таким, каким он казался мне. Я вижу его вновь – сон или призрак.

– Каждую секунду, – отвечает он.

Когда по его щекам разливается серый румянец, я понимаю, что это правда.

Теперь я знаю, как причинить ему боль.

В оковах слишком легко заснуть по-настоящему, поэтому притвориться трудно. Под одеялом я стискиваю кулак, вонзив ногти в ладонь. Я считаю секунды. Считаю вдохи и выдохи Мэйвена. Наконец кресло под ним скрипит. Он встает. Медлит. Я буквально чувствую его взгляд, прикосновение обжигающих глаз к моему неподвижному лицу. Затем слышатся легкие шаги по деревянному полу. Мэйвен пересекает комнату с изяществом и беззвучием кошки. Дверь тихонько закрывается за ним.

Так легко заснуть.

Но я жду.

Проходит две минуты, но Арвены не возвращаются.

Наверное, они думают, что оков достаточно, чтобы удержать меня.

Они ошибаются.

Ноги подгибаются, коснувшись пола, узорчатый паркет холодит босые ступни. Если здесь есть камеры, плевать. Они не помешают мне встать и пойти. По крайней мере, попытаться.

Я не люблю что-то делать медленно. Особенно теперь, когда каждая секунда на счету. Каждая секунда может стоить жизни еще одному человеку, который мне дорог. Поэтому я отталкиваюсь от постели, заставляя себя стоять на слабых, дрожащих ногах. Странное ощущение – Молчаливые камни грузом висят на лодыжках и запястьях, высасывая те небольшие силы, которые мне придает гнев. Проходит немало времени, чтобы притерпеться. Сомневаюсь, что когда-нибудь смогу к ним привыкнуть. Но не обращать на оковы внимания – можно.

Первый шаг – самый легкий. Рывок к маленькому столику, за которым я ем. Второй – уже труднее, особенно теперь, когда я знаю, сколько усилий это требует. Я иду, как стреноженная лошадь или как пьяная, завидуя папиному креслу. Стыд помогает мне сделать следующие несколько шагов, в

противоположный угол. Тяжело дыша, я добираюсь до него и чуть не падаю, привалившись к стене. Ноги горят огнем, по спине катится пот. Знакомое ощущение – как будто я только что пробежала милью. Но вот тошнота – это что-то новенькое. Еще один побочный эффект камней. Каждое биение сердца кажется тяжелым и каким-то неправильным. Оковы пытаются меня опустошить.

Лбом я прикасаюсь к холодной стене и немного успокаиваюсь.

– Давай еще раз, – выговариваю я.

Поворачиваюсь и бреду через комнату.

И еще.

И еще.

И еще.

Когда Кошка и Трио приносят обед, я вся в поту. Приходится есть, лежа на полу. Кошку, кажется, ничто не смущает – она ногой подталкивает ко мне тарелку с равным количеством мяса и овощей. Что бы ни происходило за городскими стенами, на поставках продовольствия это, видимо, не сказывается. Плохой знак. Трио оставляет что-то еще на моей постели, но в первую очередь я сосредотачиваюсь на еде. Заставляю себя проглотить всё.

Подняться уже проще. Мускулы начали откликаться, привыкнув к оковам. В них есть свои плюсы. Арвены – живые люди, чья способность зависит от степени концентрации и может меняться, как волна. К их давлению гораздо труднее приспособиться, чем к постоянному одинаковому воздействию камней.

Я беру сверток, лежащий на постели, и срываю плотную бумагу. Оттуда выскальзывает платье и падает на одеяло. Я медленно отступаю на шаг, и мое тело холодеет. Меня охватывает знакомое желание выскочить из окна. На мгновение я закрываю глаза, пытаюсь силой воли заставить платье исчезнуть.

Не потому, что оно уродливо. Оно удивительно красиво, сплошь шелк и драгоценности. Но оно заставляет меня осознать ужасную правду. До сих пор я могла игнорировать слова Мэйвена, его план и то, что он намеревался сделать. Теперь это платье – шедевр швейного мастерства – издевательски смеется мне в лицо. Оно сшито из красной ткани. «Как рассвет», – шепчет внутренний голос. Нет. Это не цвет Алой гвардии. Наш цвет – огненный, яркий, грозный, почти пугающий. Его должны видеть и узнавать. Это платье – другое. Более глубокого оттенка, пунцовое, багряное, украшенное маленькими драгоценными камнями и замысловатой вышивкой. Оно переливается темным блеском, и свет лампы отражается в нем, как в луже красного масла.

Или красной крови.

Меня – и мою сущность – и в этом платье будет невозможно забыть.

Я горько смеюсь. Это и правда почти смешно. Будучи невестой Мэйвена, я пряталась и притворялась Серебряной. По крайней мере, теперь меня не будут красить, чтобы выдать за Серебряную. Крохотный плюс – учитывая всё остальное.

Значит, я предстану перед королевским судом и перед всем миром в цвете собственной крови. Чтобы люди это видели. Интересно, поймет ли Норту, что я – просто наживка, скрывающая острый стальной крючок.

Мэйвен возвращается лишь на следующее утро. Войдя, он хмуро смотрит на платье, которое валяется в углу. Я не в состоянии его видеть. И Мэйвена тоже, поэтому я продолжаю заниматься – делаю коротенькие медленные приседания. Я двигаюсь, как неуклюжий ребенок, – руки тяжелее обычного, – но заставляю себя упражняться. Мэйвен подходит на несколько шагов, и я сжимаю кулак, приказывая себе метнуть в его сторону искру. Но ничего не происходит, как не происходило в последние десять раз, когда я пыталась использовать свое электричество.

– Приятно знать, что баланс правильный, – задумчиво произносит Мэйвен, усаживаясь за стол.

Сегодня вид у него лощеный, на груди ярко блестят ордена. Он, очевидно, побывал за стенами дворца. В волосах у Мэйвена снег, и он стаскивает зубами кожаные перчатки.

– Да, браслеты просто очаровательны, – отгрызаюсь я, помахав отяжелевшей рукой.

Браслеты довольно просторны – они вращаются на запястье – и в то же время сидят достаточно плотно, чтобы их нельзя было снять, даже вывихнув большой палец. Я примеривалась к ним, пока не сообразила, что это бесполезно.

– Я передам Эванжелине твои слова.

– Ну разумеется, это она их сделала, – с насмешкой отвечаю я.

Ей, наверное, так приятно знать, что она в буквальном смысле создатель моей клетки.

– Впрочем, удивительно, что у нее есть на это время. Наверное, она каждую свободную минуту создает для себя новые короны и тиары. И платья. Готова поспорить, ты ранишься всякий раз, когда берешь ее за руку.

У Мэйвена подергивается мускул на щеке. Он не питает теплых чувств к Эванжелине – я всегда это знала. И с легкостью могу ударить по больному.

– Вы уже назначили дату? – спрашиваю я, садясь.

Синие глаза смотрят на меня.

– Что?

– Сомневаюсь, что королевскую свадьбу можно организовать за пару дней. Наверное, ты уже точно знаешь, когда женишься на Эванжелине Самос?

– А, это... – Мэйвен жмет плечами и отмахивается. – Свадебными планами занимается Эванжелина.

Я удерживаю его взгляд.

– Будь это в ее воле, она стала бы королевой еще несколько месяцев назад.

Он не отвечает, и я нажимаю сильнее.

– Ты не хочешь на ней жениться.

Вместо того чтобы упасть, маска становится прочнее. Мэйвен усмехается, изображая крайнее равнодушие.

- Как тебе известно, Серебряные женятся не из любви.

Я пробую другую тактику, обращаясь к тем частям его натуры, которые когда-то знала. Надеюсь, они настоящие.

- Что ж, я не виню тебя за медлительность...

- Это не медлительность - откладывать свадьбу во время войны.

- Но по своей воле ты бы не выбрал Эванжелину.

- Как будто выбор здесь играет какую-то роль.

- Да, не говоря уж о том, что раньше она была невестой Кэла.

Упоминание о брате кладет конец его вялым протестам. Я вижу, как под кожей у Мэйвена вздуваются мускулы. Одна рука щелкает по браслету на запястье. Негромкое позвякивание металла сродни предостерегающему удару колокола. Одна искра - и он вспыхнет.

Но огонь больше меня не пугает.

- Судя по твоим успехам, еще день-другой, и ты сможешь нормально двигаться. - Его слова рассчитанны, взвешены, неестественны. Он, видимо, заучил их, прежде чем явиться сюда. - Тогда ты наконец начнешь приносить кое-какую пользу.

Я в очередной раз обвожу комнату взглядом в поисках видеокамер. Я не вижу их, но наверняка они есть.

- Ты сам целыми днями шпионишь за мной или сотрудник безопасности предоставляет тебе отчет? Может быть, даже письменный?

Мэйвен пропускает мои слова мимо ушей.

- Завтра ты встанешь и скажешь то, что я тебе велю.

- Или что? - спрашиваю я, заставив себя подняться на ноги - без всякого изящества, без прежней ловкости. Он внимательно наблюдает за мной. Ну и пусть.

- Я и так твоя пленница. Ты можешь убить меня, когда захочешь. И, честно говоря, я бы предпочла умереть, чем заманивать новокровок в твои сети на верную гибель.

- Я не стану убивать тебя, Мэра.

Пусть даже Мэйвен сидит, такое ощущение, что он возвышается надо мной.

- И их я тоже не хочу убивать.

Совершенно нелогично. Вообще.

- Почему?

- Я знаю, ты никогда не станешь сражаться за нас. Но твои сородичи... они сильны, сильнее многих Серебряных. Представь, чего можно добиться, если собрать из них армию и соединить с моей. Когда они услышат тебя, то придут. Как с ними будут обращаться, когда они появятся, зависит от твоего поведения, конечно. И твоей уступчивости.

Наконец Мэйвен встает. Он вырос за последние несколько месяцев. Стал выше и тоньше – в этом он пошел в мать, как и во многом другом.

– У меня два варианта, и тебе придется принять то, что приму я. Либо ты привлекаешь ко мне новокровок и они присоединяются к нам, либо я продолжаю искать их своими силами – и убивать.

Моя пощечина слаба, голова Мэйвена от нее едва держится. Второй рукой я бью его в грудь, столь же нерезультативно. Он усмехается при виде моих напрасных усилий. Возможно, ему даже нравится.

Я чувствую, как мое лицо заливают яркий румянец – одновременно от гнева и от беспомощной грусти.

– Как ты можешь быть таким? – спрашиваю я, жалея, что нельзя разорвать Мэйвена на части.

Если бы не оковы, моя молния была бы уже повсюду. Но вместо электричества из меня льются слова. Слова, о которых я едва успеваю задуматься, прежде чем они перехлестывают через край.

– Как ты можешь по-прежнему быть таким? Она мертва. Я убила ее. Ты свободен. Ты... ты больше не ее сын.

Мэйвен хватает меня за подбородок, и от удивления я замолкаю и откидываюсь назад, чуть не потеряв равновесие. Жаль, что не вышло. Мне бы хотелось упасть, удариться об пол и разбиться на тысячу кусочков.

Там, в Ущелье, в теплой постели, которую мы делили с Кэлом, посреди ночи я думала о таких моментах. О том, чтобы вновь оказаться наедине с Мэйвенем. Увидеть, каков он на самом деле под маской, которую его заставляла носить мать. В том странном месте между сном и явью глаза мальчика-короля меня преследовали. Они оставались одного и того же цвета, но отчетливо постоянно менялись. Его глаза, ее глаза... глаза, которые я видела – и которых не видела никогда.

Теперь они кажутся такими же – горят холодным огнем, угрожая сжечь меня.

Понимая, что именно это Мэйвен и хочет увидеть, я позволяю слезам досады покатиться по щекам. Он с жадностью проводит пальцем по влажным дорожкам.

А потом отталкивает меня. Я падаю на колени.

– Я таков, каким она меня сделала, – шепотом говорит Мэйвен и уходит.

Прежде чем дверь успевает закрыться, я замечаю за ней стражей. На сей раз это Клевер и Яйцеголовый. Значит, Арвены неподалеку. Даже если я как-то ухитрюсь освободиться...

Я медленно сажусь на пятки. Одной рукой заслоняю лицо, скрывая мгновенно высохшие глаза. Как бы мне ни хотелось, чтобы смерть Элары изменила Мэйвена, я знала, что этого не будет. Я не настолько глупа. Нельзя верить ничему, что касается короля.

В другую ладонь впивается маленький орден, который я прячу в сжатом кулаке. Даже Молчаливый камень не способен отнять инстинкты вора. Металлический шпенок упирается в кожу. Мне хочется про-ткнуть ее, увидеть алый цвет крови, напомнить себе и всем остальным, кто я такая и на что способна.

Схватившись за кровать, якобы в поисках опоры, я сую орден под матрас. Там лежит остальная моя добыча – шпильки для волос, сломанные зубцы вилок, осколки стекла и фарфора. Мой арсенал. И этим скромным запасом мне придется обойтись.

Я смотрю на платье в углу, как будто оно в чем-то виновато.

«Завтра», – сказал Мэйвен.

И я вновь принимаюсь за приседания.

6. Мэра

На аккуратно отпечатанных карточках указано то, что я должна сказать. Я не в силах даже смотреть на них, поэтому они валяются на тумбочке у кровати.

Я сильно сомневаюсь, что смогу воспользоваться услугами горничных, чтобы превратиться в человека, которого Мэйвен желает предъявить двору. Очень утомительное занятие – застегивать все пуговицы и молнии на пурпурном платье. У него высокий ворот, волочащийся подол и длинные рукава – чтобы скрыть не только клеймо на груди, но и оковы, по-прежнему надетые на щиколотки и запястья.

Сколько бы раз я ни пыталась уклониться от этой церемонии, тем не менее я, видимо, обречена сыграть в ней роль. Платье оказывается велико, особенно в плечах и на талии, когда я наконец натягиваю его. Я похудела, хотя ем досыта. Судя по тому, что мне удалось увидеть в отражении в оконном стекле, кожа и волосы тоже пострадали от воздействия тишины. Лицо пожелтело и осунулось, обрело болезненный вид, под глазами залегли красные круги. А темно-каштановые волосы, по которым продолжает медленно ползти седина, растрепались сильнее обычного, спутались от корней до самых кончиков. Я поспешно заплетаю их, разбирая сбившиеся пряди.

Никакое количество шелка не скроет перемен. Но это неважно. Мне не придется наряжаться, если всё пойдет по плану.

От следующего этапа подготовки у меня начинает биться сердце. Я изо всех сил стараюсь сохранять спокойствие, по крайней мере под взглядами видеокамер. Они не знают, что я намереваюсь сделать. Не факт, что мне это удастся. И даже если я сумею одурачить стражу, есть еще одно огромное препятствие.

Я могу погибнуть.

Мэйвен не поместил камеру в ванной. Не для того чтобы защитить мою стыдливость, а чисто из ревности. Я достаточно хорошо его знаю – и понимаю, что он никому не позволит увидеть мое тело. Подтверждение тому – дополнительная тяжесть Молчаливых камней, вделанных в стены. У охранников не будет повода последовать за мной сюда. Сердце неровно бьется в груди, но я все-таки захожу. Выбора нет.

Душ шипит и испускает пар – обжигающе горячий, если включить на полную мощность. Если бы не Молчаливые камни, я бы целыми днями наслаждалась комфортом. Но я должна действовать быстро, чтобы не задохнуться.

В Ущелье мы довольствовались купанием в холодной речке, а на Таке вода в душе была чуть теплой и жестко дозированной. Я смеюсь при воспоминании о том, что называлось мытьем в Подпорах. Лохань, наполненная из кухонного крана, летом теплая, зимой холодная, и краденое мыло. Не завидую маме, которая помогала папе мыться.

Если повезет – очень повезет, – я скоро увижу их вновь.

Я отворачиваю душ, направив его на пол ванной. Вода льется на белый кафель, мочит плитку. Брызги падают мне на босые ноги, и от жара, приятного и манящего, как толстое одеяло, я вздрагиваю.

Вода течет под дверь, а я быстро берусь за дело. Сначала кладу на туалетный столик длинный осколок стекла – в пределах досягаемости. Потом тянусь за настоящим оружием.

Дворец Белого огня – чудо из чудес, и моя ванная – не исключение. Ее освещает скромная лампа, если можно так выразиться – серебряная, с изогнутыми «рожками», которые напоминают древесные ветки, утыканые десятками лампочек. Мне приходится встать на раковину, изо всех сил удерживая равновесие, чтобы до нее дотянуться. Несколько сильных и сосредоточенных рывков – и лампа подается. Сквозь отверстие в потолке выглядывают провода. Вытянув их на достаточную длину, я нагибаюсь, кладу включенную лампу на раковину и жду.

Стук начинается через пару минут. Тот, кто следил за комнатой, заметил, что под дверь ванной течет вода. Еще десять секунд – и в спальню входят двое. Не знаю, кто из Арвенов, но какая разница?

– Бэрроу! – кричит мужской голос.

Кто-то стучит кулаком по двери ванной.

Я не отвечаю, и они не тратят время зря. Я тоже.

Яйцеголовый толкает дверь – его бледное лицо почти неотличимо по цвету от кафеля, когда он входит, шлепая по залитому водой полу. Клевер не идет за ним – она стоит одной ногой в ванной, другой в спальне. Неважно. Обе ее ступни – в луже горячей воды.

– Бэрроу? – спрашивает Яйцеголовый, и при виде меня у него отвисает челюсть.

Немного нужно, чтобы бросить лампу, но отчего-то это требует большого усилия.

Лампа ударяется о мокрый кафель. Когда электричество встречается с водой, в комнате происходит скачок напряжения. Вырубается не только остальной свет в ванной, но и лампа в спальне. Может быть, целое крыло дворца обесточено.

Оба Арвена подсакивают и дергаются, когда искры проникают в их плоть. Они быстро падают, скрюченные судорогой.

Я перепрыгиваю через лужу и тела охранников, радостно ахнув, когда тяжесть Молчаливых камней спадает. Оковы по-прежнему висят у меня на руках и на ногах, и я, не тратя времени и стараясь не касаться воды, обыскиваю Арвенов. Как можно быстрее выворачиваю их карманы, ища ключ, который буквально вижу во сне. Дрожа, нащупываю изогнутую полоску металла под воротником у Яйцеголового, прилиплю к груди. Дрожащими руками я отдираю ключ и один за другом открываю замки. Когда оковы спадают, тишина

постепенно рассеивается. Я глотаю воздух, пытаюсь призвать молнию. Она вернется. Должна.

Но я по-прежнему ничего не чувствую.

Тело Яйцеголового в моем полном распоряжении – теплое и живое. Я могла бы перерезать горло ему и Клевер, рассеять яремную вену зазубренным осколком стекла, который припрятала. Я говорю себе, что так и надо сделать. Но и так уже потрачено слишком много времени. Пусть живут.

Как и следовало ожидать, Арвены достаточно опытные: они не забыли запереть за собой дверь спальни. Не страшно. Шпилька ничем не хуже ключа. Я за считанные секунды вскрываю замок.

Прошло несколько дней с тех пор, как я переступала порог своей тюрьмы, и тот раз меня вели на цепи, окружив стражей со всех сторон. Теперь коридор безлюден. Мертвые лампочки, издевательски пустые, усеивают потолок. Ощущение электричества слабо – искра в темноте. Оно должно вернуться. Ничего не выйдет, если оно не вернется. Я ощущаю прилив паники: а если оно ушло навсегда? Что, если Мэйвен лишил меня молнии?!

Я бегу как можно быстрее, припоминая план дворца. Эванжелина повела меня налево, к парадным залам. Они наверняка кишат охранниками и сотрудниками безопасности, не говоря уж о придворных, которые сами по себе опасны. Поэтому я иду направо.

Камеры, разумеется, повсюду. Я вижу их на каждом углу. Интересно, они тоже выключились или охрана развлекается, наблюдая за мной? Наверное, они делают ставки, далеко ли я уйду. Отчаянное стремление обреченного человека.

Служебная лестница ведет вниз, и я впопыхах чуть не сталкиваюсь со слугой.

При виде его у меня подскакивает сердце. Парень примерно моих лет – и он краснеет, держа чайный поднос. Краснеет.

– Это обман! – кричу я. – То, что меня заставляют делать, – сплошной обман!

Наверху и внизу хлопают двери. Я снова загнана в угол. Какая скверная привычка.

– Мэра... – произносит парень дрожащими губами.

Я напугала его.

– Найди способ известить Алуя гвардию. Расскажи всем, кому можно. Это ложь!

Кто-то хватается меня за талию и тащит прочь. Я не свожу глаз со слуги. Охранники в форме, поднявшиеся снизу, отталкивают его и не задумываясь прижимают к стене. Поднос с лязгом летит на пол, чай проливается.

– Это ложь! – успеваю я крикнуть, прежде чем мне зажимают рот рукой.

Я пытаюсь дотянуться до молнии, которую по-прежнему еле ощущаю. Ничего не происходит, и тогда я до крови кусаю чужую руку.

Сотрудник безопасности с руганью отдергивает ее. Женщина-охранник оказывается передо мной и ловко перехватывает мои брыкающиеся ноги. Я плюю кровью ей в лицо.

Она наотмашь бьет меня по щеке – это движение полно смертоносного изящества – и я узнаю ее.

– Какая приятная встреча, – шиплю я и пытаюсь пнуть Соню Айрел в живот, но она как будто нехотя увертывается.

«Пожалуйста», – мысленно молю я, словно электричество может меня услышать. Оно не отвечает, и я подавляю рыдание. Я слишком слаба. Заключение длилось чересчур долго.

Соня – шелк. Она слишком быстра и проворна, чтобы всерьез тревожиться из-за моих жалких попыток сопротивления. Я бросаю взгляд на ее форму. Черная с серебряным, а на плече – синий и красный цвета Дома Айрела. Судя по нашивкам на груди и застегкам на воротнике, она теперь – старший офицер службы безопасности.

– Поздравляю с повышением, – с досадой рычу я, извиваясь, потому что больше ничего нельзя сделать. – Так быстро покончила с тренировками?

Она крепче хватает меня за ноги – ее руки напоминают клещи – и отвечает:

– Жаль, что ты так и не освоила этикет до конца.

Не выпуская моих ног, Соня вытирает о плечо серебряную кровь со щеки.

– Ты могла бы научиться хорошим манерам.

В последний раз я видела ее всего несколько месяцев назад. Она стояла рядом с бабушкой Арой и Эванжелиной, одетая в траур по королю. Соня была одной из многих, кто смотрел на меня в Чаше костей и желал мне смерти. Ее дом славится не только силой, но и умом. Они все – шпионы, которых обучают раскрывать чужие секреты. Сомневаюсь, что Соня поверила Мэйвену, когда он объявил, что я – фальшивка, создание Алой гвардии, внедренное во дворец. Сомневаюсь, что она поверит и всему остальному.

– Я видела твою бабушку, – говорю я.

Довольно дерзкий ход.

Бесстрастное лицо Сони не меняется, но я чувствую, как ее хватка чуть-чуть слабеет. Затем она вздергивает подбородок. Это значит: «Продолжай».

– В тюрьме Коррос. Голодную, измученную Молчаливым камнем.

«Как я сейчас».

– Я помогла освободить ее.

Другой человек назвал бы меня лгуньей. Но Соня молчит и смотрит в сторону. Вид у нее как будто совсем не заинтересованный.

– Не знаю, сколько времени она провела там, но дралась она лучше многих.

Образ Ары проносится в моей памяти. Пожилая женщина, сильная и жестокая, как ее тезка – пантера. Она спасла меня, перехватив острое, как бритва, лезвие в воздухе, прежде чем оно успело снести мне голову.

– Птолемус, впрочем, в конце концов до нее дотянулся. Перед тем как убить моего брата.

Взгляд Сони упирается в пол. Она слегка хмурится. Ее тело напрягается. На мгновение кажется, что девушка сейчас заплачет, но подступившие слезы так и не проливаются.

– Как? – чуть слышно спрашивает она.

– В шею. Быстро.

Ее удар метко направлен, но не так уж силен. Сплошное притворство, как и всё в этом проклятом дворце.

– Придержи свой поганый лживый язык, Бэрроу, – шипит Соня, подводя итог нашей беседе.

И вот я валюсь, как мешок, на пол спальни – обе щеки горят, и тяжесть четырех Арвенов кажется сокрушительной. Яйцеголовый и Клевер слегка растрепаны, но целители уже позаботились о них, каковы бы ни были повреждения. Жаль, что я их не добила.

– Что, удивились? – спрашиваю я.

В отместку Кошка вынуждает меня раздеться при всех и натянуть алое платье. Она охотно длит унижение. Ткань обжигает, касаясь клейма. М – значит Мэйвен. М – значит монстр, М – значит маньяк.

Я по-прежнему чувствую во рту вкус крови укушенного мной охранника, когда Кошка сует мне карточки с текстом.

Вся мощь Серебряного двора собрана в тронном зале. Высокие Дома, как обычно, представляют собой буйство красок. Каждый цвет – как удар. Фейерверк драгоценностей и парчи. Я присоединяюсь к этому хаосу, добавив кроваво-красное пятно на палитру. Двери тронного зала захлопываются у меня за спиной – теперь я заперта в клетке со своими злейшими врагами. Клань расступаются, давая мне пройти, – получается длинный коридор от двери до трона. Люди шепчутся, когда я иду мимо, отмечая все изъяны. Я улавливаю обрывки разговоров. Разумеется, они знают про мое маленькое утреннее приключение. Арвены – двое сзади, двое спереди – служат достаточным подтверждением моего статуса заключенной.

Значит, новейшая ложь Мэйвена предназначена не для придворных. Я пытаюсь угадать ход его мыслей, извивы затейливых манипуляций. Он, очевидно, прикинул все риски – и решил раскрыть свой прекрасный замысел ближайшему кругу. Серебряные не против лжи, если лгут не им.

Как и раньше, Мэйвен сидит на троне из серого камня, вцепившись в подлокотники. За спиной у него, выстроившись вдоль стены, маячат Стражи, а Эванжелина гордо стоит слева. Она сверкает, как смертоносная звезда, в плаще и в покрытом разрезами платье из замысловатых серебряных чешуек. Ее брат, Птолемус, щеголяет в новых доспехах. Как охранник короля и будущей королевы, он держится рядом. Справа я вижу еще одно мучительно знакомое лицо. Доспехов на этом человеке нет. Они ему не нужны. Его меч и щит – сила мысли.

Самсон Мерандус – призрак в темно-синей одежде с белыми кружевами – ухмыляется мне. Цвета, которые я ненавижу сильнее всего. Даже сильнее серебряного. «Я мясник», – предупредил он, прежде чем начать допрос. И не

соврал. После общения с ним я никогда не оправлюсь до конца. Он разделал меня, как свинью, подвешенную на крюк.

Мэйвен явно доволен тем, что видит. Та же целительница из Дома Сконоса попыталась привести в порядок мои волосы, собрав их в аккуратный хвост, и нанесла немного макияжа на измученное лицо. Это не заняло много времени, и я жалею, что она ушла быстро. Ее прикосновение было прохладным и успокаивающим, оно убрало все синяки, которые я заработала во время неудачного побега.

Приближаясь к трону на глазах у десятков Серебряных, я не чувствую страха. Есть гораздо более страшные вещи. Например, видеокамеры. Они пока не направлены на меня, но скоро это произойдет. Об этом невыносимо думать.

Мэйвен останавливает нас коротким жестом, вскинув ладонь. Арвены понимают его без слов и отходят, позволяя мне пройти последние несколько метров одной. И тогда включают камеры. Чтобы показать, как я иду сама, без охраны, без оков – свободная Красная среди Серебряных. Эту картинку будут транслировать везде, ее увидят все, кого я люблю, все, кого надеялась защитить. Этой незатейливой сцены окажется достаточно, чтобы обречь на смерть десятки новокровок и нанести тяжелый удар по Алой гвардии.

– Подойди, Мэра, – говорит Мэйвен.

Мальчик, которого, мне казалось, я знала. Ласковый, нежный. Этот голос он держал в запасе, чтобы воспользоваться им против меня, как мечом. Он проникает до самого мозга – Мэйвен знал, что так и будет. Против воли я ощущаю знакомую тоску по человеку, которого не существует.

Мои шаги эхом отдаются по мраморному полу. На уроках этикета покойная леди Блонос пыталась научить меня, как держаться при дворе. Выражение лица у нее было холодным и бесстрастным, а не просто равнодушным. Мне хуже дается притворство – я подавляю желание скрыться под маской и пытаюсь принять такой вид, который одновременно удовлетворит Мэйвена и каким-то образом даст зрителям понять, что это вовсе не мой выбор, а нелегкое испытание.

Продолжая ухмыляться, Самсон делает шаг в сторону и освобождает место рядом с тронном. Я вздрагиваю, но делаю то, что должна. Становлюсь справа от Мэйвена.

Какая дивная картина. Эванжелина в серебряном, я в красном, король в черном посредине.

7. Кэмерон

Так называемый «сигнал молнии» пронесется по главному ярусу Ирабеллы, летя вверх и вниз по шатким лестницам, туда и обратно по коридорам. Посыльные ищут тех из нас, кто считается достаточно важной персоной, чтобы получить последние известия о Мэре. Обычно за мной не приходят. Никто не вводит меня в курс дела вместе с остальными ее поклонниками. Ребята приходят ко мне потом и вручают бумажку, где рассказывается, какие обрывки сведений шпионы Гвардии собрали касательно пребывания нашей драгоценной Бэрроу в темнице. Совершенно бесполезная информация. Что она ела, как часто меняются стражи, ну и всё такое. Однако сегодня посыльный,

маленькая девочка с прямыми черными волосами и коричневой кожей, тянет меня за руку.

– Сигнал молнии, мисс Коул. Идемте со мной, – говорит она упрямо и назойливо.

Я хочу сказать ей, что моя основная задача – наладить отопление в казарме, а не узнать, сколько раз Мэра сегодня воспользовалась уборной, однако ее милое личико подавляет во мне желание отгрызнуться. Фарли, очевидно, отрядила за мной самого хорошенького ребенка на всей базе. Вот блин.

– Ладно, иду, – ворчу я, бросая инструменты в ящик.

Когда девочка берет меня за руку, я вспоминаю Морри. Он ниже, чем я, и в детстве, когда мы работали за конвейером, он сжимал мою руку, если шум машин пугал его. Но эта маленькая девочка не выказывает признаков страха.

Она тянет меня по изгибающимся коридорам, гордясь собой, – она-то знает, куда идти. Я хмуро смотрю на красный лоскут, повязанный у нее на запястье. Она слишком мала, чтобы принести присягу мятежникам, не говоря уже о том, чтобы жить в штаб-квартире. Впрочем, меня послали на работу в пять лет – я выбирала вторсырье из мусорных куч. А она вдвое старше.

Я открываю рот, чтобы спросить, что привело ее сюда, но не решаюсь. Скорее всего, родители – их выбор либо их смерть. Интересно, где они. Точно так же я гадаю и про своих.

В коридорах номер четыре и пять и в блоке номер семь надо поменять проводку. В казарме А наладить отопление. Я перебираю постоянно растущий список дел, чтобы притупить внезапную боль. Воспоминания о родителях меркнут, когда я отгоняю от себя их лица. Папа в кабине грузовика – его руки уверенно сжимают руль. Мама на фабрике, рядом со мной, такая проворная, что не угонишься. Она болела, когда мы уходили, и волосы у нее поредели, а коричневая кожа как будто стала серой. Я чуть не задыхаюсь при этом воспоминании. Они оба – вне пределов моей досягаемости. Но Морри достигим. До Морри я могу добраться.

«В коридорах номер четыре и пять и в блоке номер семь поменять проводку. В казарме А наладить отопление». Спасти Морри Коула.

Мы выходим в коридор, ведущий к командному пункту, одновременно с Килорном. За ним следует собственный посыльный, которому приходится бежать, чтобы поспеть за долговязым парнем, стремительно появившимся из-за угла. Килорн, очевидно, был наверху, дышал морозным воздухом наступающей зимы. Его щеки покраснелись от холода. На ходу он стягивает вязаную шапку, из-под которой показываются неровные рыжеватые пряди.

– Кэм.

Он кивает мне и останавливается.

Глаза Килорна кажутся ярко-зелеными в свете флуоресцентных ламп.

– Ты что-нибудь понимаешь?

Я жму плечами. В том, что касается Мэры, я разбираюсь меньше остальных. Я даже не понимаю, зачем меня позвали. Может, чтобы я не чувствовала себя отверженной. Всем известно, что я не хочу здесь быть, но деваться мне некуда. Ни в Новый город, ни в Чок. Я в ловушке.

- Ничего, - отвечаю я.

Килорн смотрит на посыльного и улыбается.

- Спасибо, - говорит он, добродушно отсылая его.

Мальчик понимает намек и с облегчением разворачивается. Я делаю то же самое - киваю и благодарно улыбаюсь. Девочка пускается в противоположную сторону и исчезает за поворотом.

- Вы берете в оборот такую мелочь, - невольно произношу я вполголоса.

- Старше, чем были мы, - отзывается Килорн.

Я хмурюсь.

- Ты прав.

За последний месяц я довольно много узнала о Килорне и убедилась, что можно доверять ему не меньше, чем другим. Наши судьбы похожи. Он в детстве стал учеником рыбака и, как и я, получил привилегию - работу, избавляющую его от призыва. Но правила игры изменились, и в итоге нас втянуло в орбиту девочки-молнии. Килорн сказал бы, что он здесь по собственному выбору, но я-то знаю. Он был лучшим другом Мэри и вслед за ней присоединился к Алой гвардии. И теперь слепое упрямство - не говоря уж о статусе беглеца - удерживает Килорна тут.

- Но нам не внушали никакой идеологии, Килорн, - продолжаю я, с неохотой шагая вперед.

Охранники молча стоят у двери командного пункта. Они смотрят на нас. И это ощущение мне не нравится.

Килорн странно и грустно улыбается. Его взгляд падает на мою татуированную шею - профессия и место жительства навечно обозначены на ней. Черные чернила выделяются даже на фоне темной кожи.

- Ошибаешься, Кэм, - негромко говорит он. - Пошли.

Он обвивает рукой мои плечи, и мы идем дальше. Охрана расступается, позволяя нам пройти.

На сей раз в командном пункте больше людей, чем когда-либо. Все техи напряженно вытянулись, не сводя взгляд с нескольких экранов у стены. На них одинаковая картинка - красно-черно-серебряный Пламенеющий венец, символ Норты. Обычно им начинаются и завершаются официальные трансляции, и я решаю, что придется выслушать последнее обращение короля Мэйвена. И я не единственная, кто так думает.

- Возможно, мы ее увидим, - выдыхает Килорн, и в его голосе в равной мере звучат тоска и страх.

На экране картинка слегка подпрыгивает. И застывает.

- Чего мы ждем?

- Скорее, кого, - отвечаю я, обводя взглядом комнату.

Кэл уже здесь - он скромно стоит в дальнем конце комнаты, на некотором расстоянии от всех. Принц чувствует, что я наблюдаю за ним, но ограничивается кивком.

К моей досаде, Килорн машет ему и подзывает. Секунду поколебавшись, Кэл осторожно пересекает комнату, в которой становится всё болеелюдно. Не знаю уж, по какой причине, но сегодняшний «сигнал молнии» привлек в командный пункт многих, и все на взводе, как Килорн. Большинство мне не знакомы, но к компании присоединяются и несколько новокровок. Я замечаю Раша и Тахира на обычном месте, со своим радиооборудованием. Бабуля и Ада держатся рядом. Как и Кэл, они стоят у дальней стенки, не желая привлекать к себе внимание. Когда принц устремляется к нам, Красные буквально отскакивают с дороги. Он делает вид, что ничего не замечает.

Кэл и Килорн обмениваются слабыми улыбками. Их обычное соперничество давно прошло, сменившись тревогой.

– Хорошо бы полковник шевелил копытами чуть быстрее, – произносит голос справа.

Я поворачиваюсь и вижу, как к нам подходит Фарли. Она изо всех сил старается держаться незаметно, несмотря на свой живот. Просторная куртка успешно скрывает его, но в таком месте, как Ирабелла, трудно хранить секреты. У нее срок почти четыре месяца, и ей плевать, кто в курсе. Даже теперь она держит в одной руке тарелку жареной картошки, а в другой вилку.

– Кэмерон, парни, – говорит она, кивнув нам всем по очереди.

Я отвечаю тем же, и Килорн тоже. Фарли шутливо салютует Кэлу вилкой, и он что-то буркает в ответ. Зубы у него так крепко стиснуты, что вот-вот начнут крошиться.

– Я думала, полковник тут и ночует, – говорю я, устремив взгляд на экран. – Ну разумеется. Именно тогда, когда он нам нужен...

В любой другой день я бы задумалась, не нарочно ли он скрылся. Например, чтоб напомнить нам, кто тут главный. Как будто мы в состоянии об этом забыть. Даже рядом с Кэлом, Серебряным принцем и генералом, даже рядом с толпой новокровок, обладающих пугающим набором способностей, полковник каким-то образом умудряется держать в руках все козыри. Потому что здесь, в мире Алой гвардии, информация важнее всего, а полковник – единственный, кто знает достаточно, чтобы удерживать нас под контролем.

Я могу это понять. Одним шестеренкам необязательно знать, что делают другие. Но я уже не часть машины.

Полковник появляется вместе с братьями Бэрроу. И по-прежнему нет родителей Мэры, которые живут где-то в недрах туннелей. С ними их младшая дочь, медно-рыжая красотка. Если не ошибаюсь, я видела ее один раз – смышленную проворную девочку, которая сновала по столовой, – но не стала подходить и расспрашивать. Конечно, до меня доходили слухи. Шепотки, которыми обычно обмениваются техники и солдаты. Говорят, сотрудник безопасности сломал ей ногу, вынудив Мэру отправиться за милостыней в летнюю королевскую резиденцию. Ну или что-то типа того. Подозреваю, что попросить Килорна рассказать правду – не самый разумный поступок.

Все в командном центре поворачиваются, чтобы взглянуть на полковника. Мы ждем, когда он заговорит о том, ради чего все собрались. Поэтому мы дружно подавляем удивленные возгласы, когда вслед за полковником в переполненную комнату входит еще один Серебряный.

Каждый раз, когда я его вижу, во мне вспыхивает ненависть. Именно из-за него Мэра заставила меня присоединиться к ней и вернуться в свою прежнюю

тюрьму. Она заставила меня убивать (а других – умирать), чтобы этот старый пенек мог жить. Но он же оказался в Корросе не по собственному желанию. Он был пленником, как и я, обреченным медленно и мучительно умирать в камере, под гнетом Молчаливого камня. Он не виноват, что девочка-молния любит его, и ему приходится жить с проклятием, которое несет эта любовь.

Джулиан Джейкос не жметя у дальней стены с другими новокровками и не встает рядом со своим племянником Кэлом. Он стоит бок о бок с полковником, и толпа расступается перед ним, чтобы Джулиану были видны экраны. Пока он занимает место поудобнее, я сверлю взглядом его спину. Настоящая Серебряная осанка. Безупречно прямая. Даже в поношенной, вылинявшей форме, с сединой в волосах, бледный и замерзший, как мы все здесь, под землей, Джулиан – несомненный Серебряный. Остальные разделяют мои чувства. Солдаты кладут руки на кобуры, внимательно глядя на неожиданного гостя. Когда речь заходит о Джулиане, слухи становятся очень конкретными. Это дядя Кэла, брат покойной королевы, давний наставник Мэры. Среди нас он напоминает стальную нить, вплетенную в шерсть. Вроде бы мы заодно – но он опасен и ничем с нами не связан.

Говорят, он способен контролировать жертву голосом и глазами. Как это умела королева. Как умеют многие до сих пор.

Еще один человек, к которому я никогда ни за что не повернусь спиной. Их список длинен.

– Давайте посмотрим, – отрывисто говорит полковник, пресекая негромкие разговоры, вызванные появлением Джулиана.

Экран откликается дрожью.

Все молчат, и лицо короля Мэйвена становится для нас полной неожиданностью.

Он кого-то подзывает, сидя на своем неуклюжем троне посреди Серебряной знати. Глаза у него большие и вроде бы добрые. Я-то знаю, что он гад, поэтому тщательно подобранная маска меня не одурачит. Но, полагаю, большая часть Норты не видит ничего, кроме образа юноши, вознесенного на вершины власти и из чувства долга делающего все возможное ради спасения королевства, которое оказалось на грани хаоса. Мэйвен красив. Не массивен, как Кэл, а изящно сложен – прямо статуэтка. Высокие скулы, блестящие черные волосы. Смазливый мальчик. Я слышу, как кто-то торопливо пишет, вероятно запечатлевая всё, что происходит на экране. Мы можем смотреть спокойно, сосредоточившись лишь на тех ужасах, которые Мэйвен сейчас совершит.

Он подается вперед, вытягивает руку и встает, подзывая кого-то.

– Подойди сюда, Мэра.

Камеры плавно поворачиваются, и мы видим Мэру, стоящую перед королем. Я ожидала увидеть лохмотья, но на ней пышный наряд, о котором я никогда и не мечтала. Ее тело сплошь скрыто расшитым шелком и кроваво-красными драгоценными камнями. Платье блестит, пока Мэра движется по широкому проходу в толпе Серебряных, собравшихся ради этой церемонии. Ни ошейника, ни поводка. И вновь я понимаю суть. Вновь надеюсь, что другие тоже поймут... но разве они на это способны? Они не знают Мэру так, как мы. Они не видят мрака в ее темных глазах, которые мерцают при каждом шаге. Запавших щек. Поджатых губ. Подрагивающих пальцев. Стиснутых зубов. Это замечаю я. Что видят в девочке-молнии Кэл, Килорн и ее братья?

Платье закрывает тело Мэры от шеи до лодыжек. Возможно, чтобы спрятать синяки, шрамы и полученное от короля клеймо. Это не платье, а маскарадный костюм.

Я не единственная, кто испуганно втягивает воздух, когда Мэра приближается к королю. Он берет ее за руку, и она неохотно сжимает пальцы. На долю секунды – но этого достаточно, чтобы подтвердить то, что мы и так знаем. Мэру заставили. И даже если она приняла это решение сама, альтернатива была гораздо хуже.

В воздухе веет жаром. Килорн старается боком отойти от Кэла, не привлекая ничьего внимания, и врезается в меня. Я тоже отодвигаюсь. Никто не хочет оказаться слишком близко к огненному принцу, если у того сорвет крышу.

Мэйвену не приходится распорядиться. Мэра знает короля и его планы достаточно хорошо, чтобы понять, чего он от нее хочет. Камера отодвигается, когда она становится справа от трона. Теперь мы видим демонстрацию огромной силы. Эванжелина Самос, невеста короля, будущая королева, духом и плотью, – с одной стороны, а девочка-молния – с другой. Серебряная и Красная.

На возвышении стоят и другие придворные, самые могучие представители Высоких домов. Имена и лица, которых я не знаю. Но, не сомневаюсь, их знают многие здесь. Генералы, дипломаты, воины, советники. Все они поклялись полностью истребить нас.

Король вновь медленно усаживается на трон, устремив глаза в камеру – на нас.

– Прежде чем я скажу что-либо еще, прежде чем начну свою речь, – произносит он, уверенно и почти обаятельно, – я хочу поблагодарить солдат, мужчин и женщин, Серебряных и Красных, которые защищают наши границы и в настоящую минуту борются с нашими врагами, внешними и внутренними. Солдаты Корвиума, верные воины, противостоящие постоянным, ужасным террористическим действиям Алой гвардии – я приветствую вас, и я с вами.

– Врешь, – рычит кто-то, и на него тут же шикают.

Мэра на экране выглядит так, как будто разделяет чувства Мэйвена. Она изо всех сил старается не вздрагивать, не выразить никаких эмоций. И ей это удается. Почти. По шее у нее ползет румянец. Отчасти он заслонен высоким воротником – но не до конца. Мэйвену пришлось бы надеть Мэре на голову мешок, чтобы полностью скрыть ее чувства.

– Недавно, после долгих обсуждений с членами королевского совета и судьями, Мэре Бэрроу был вынесен приговор за преступления против королевства. Она обвинялась в убийстве и терроризме, и мы считали ее худшей из крыс, грызущих наши корни.

Мэйвен взглядывает на нее – спокойно и внимательно. Не хочу знать, как долго он репетировал.

– Ее приговором стало пожизненное тюремное заключение, после допроса, проведенного моими кузенами из Дома Мерандуса.

Повинуясь знаку короля, мужчина в темно-синем одеянии делает шаг вперед. Он стоит в нескольких сантиметрах от Мэры, так близко, что может коснуться рукой любой части ее тела. Она застывает, напрягая все силы, чтобы не вздрогнуть.

– Я Самсон из Дома Мерандуса, и я допрашивал Мэру Бэрроу.

Джулиан, стоящий впереди меня, подносит руку ко рту. Это единственный признак того, что ему не всё равно.

– Я шепот, и моя способность позволяет мне отсесть ложь и двусмысленные слова, на которые полагаются большинство заключенных. Поэтому, когда Мэра Бэрроу раскрыла нам правду об Алой гвардии и ее ужасных секретах, признаюсь, я не поверил ей. Здесь и сейчас я свидетельствую, что ошибся. То, что я увидел в воспоминаниях подсудимой, леденило кровь.

В комнате снова слышатся шепот и шиканье. Впрочем, напряжение буквально осязаемо, и замешательство тоже. Полковник выпрямляется, скрестив руки на груди. Не сомневаюсь, все они думают о своих ошибках и о том, что несет этот дурак Самсон. Фарли, прищурившись, постукивает вилкой по бедру. Она тихонько чертыхается, но я не спрашиваю почему.

Мэра вздергивает подбородок, но вид у нее такой, как будто ее сейчас вырвет королю на ботинки. Наверняка ей этого хочется.

– Я присоединилась к Алой гвардии добровольно, – говорит она. – Они объявили, что моего брата казнили во время службы в армии за преступление, которого он не совершал, – ее голос вздрагивает при воспоминании о Шейде. Дыхание Фарли учащается, она прижимает ладонь к животу. – Они спросили, хочу ли я отомстить за его смерть. Я хотела. Поэтому я поклялась им в верности, и меня под видом служанки внедрили в королевскую резиденцию. Я пришла туда как Красная шпионка, еще не зная, кто я такая на самом деле. Во время Выбора королевы обнаружилось, что я способна управлять электричеством. После совещания покойный король Тиберий и королева Элара решили взять меня во дворец, чтобы без лишней огласки выяснить, в чем дело, и, как они надеялись, раскрыть мне мою способность в полной мере. Они выдали меня за Серебряную, чтобы защитить. Разумеется, они понимали, что такого странного Красного в лучшем случае сочтут ненормальным, а в худшем – кошунством, и спрятали меня под чужим именем, чтобы уберечь от предубеждений равно со стороны Красных и Серебряных. Цвет моей крови был известен немногим, в том числе Мэйвену, а также Кэ... принцу Тиберию. Но Алая гвардия узнала, кто я такая. Они пригрозили мне публичным разоблачением; тогда доверие к королю было бы подорвано, а я оказалась бы в опасности. Я была вынуждена шпионить для них, выполнять их приказы, облегчать террористам проникновение во дворец.

Возгласы вокруг звучат громче, их уже не так-то легко заглушить.

– Вот это впечатляющее вранье, – говорит Килорн.

– Моей конечной миссией было завербовать для Алой гвардии Серебряных союзников. Мне велели подобраться к принцу Тиберию, опытному воину и наследнику трона. Он... – Мэра медлит, внимательно глядя в камеру. Ее взгляд переходит туда-сюда, кого-то ища. Краем глаза я замечаю, что Кэл опускает голову. – Его было нетрудно убедить. После того как я поняла, как уговорить принца, я помогла Алой гвардии организовать Расстрел Солнца, жертвами которого стали одиннадцать человек, и взрыв моста в Археоне. Когда принц Тиберий убил своего отца, король Мэйвен не стал медлить. Он принял единственно возможное решение, – голос Мэры колеблется. Мэйвен, рядом с ней, изо всех сил старается принять скорбный вид при упоминании об отце. – Он оплакивал отца, поэтому нас приговорили к казни на арене. Мы спаслись только благодаря Алой гвардии. Они отвезли нас обоих на островную базу неподалеку от побережья Норты. Там меня удерживали пленницей и принца Тиберия тоже – а еще, как оказалось, моего брата, которого я считала погибшим. Алая гвардия намеревалась истребить

тех, кого называли новокровками. Когда я выяснила, что существуют и другие люди, похожие на меня, и что Алая гвардия отслеживает и убивает их, я скрылась, забрав своего брата и еще несколько человек. Принц Тиберий отправился с нами. Теперь я знаю, что он хотел собрать армию, чтобы бросить вызов королю. Через несколько месяцев Алая гвардия разыскала нас и убила нескольких новокровок, которых мы сумели найти. В этой стычке погиб мой брат, но я спаслась.

В кои-то веки жар в комнате исходит не от Кэла. Все кипят яростью. Это не Мэра. Не ее слова. Но я злюсь, как и остальные. Как у нее язык повернулся? Я бы изошла кровью, прежде чем повторила брехню Мэйвена. Но какой у Мэры был выбор?

– Поскольку мне больше некуда было идти, я обратилась к королю Мэйвену, рассчитывая на его справедливость, – ее решимость рушится кусок за куском, и по щекам катятся слезы. Стыдно сказать, но речь они украшают. – Я стою здесь теперь, сдавшись добровольно. Я сожалею о том, что сделала, и готова приложить все усилия, чтобы остановить Алую гвардию и положить конец их ужасным надеждам на будущее. Они борются только за самих себя и за людей, которыми смогут управлять. Остальных они убивают – всех, кто становится на их пути. Всех, кто отличается.

Последнее слово она выговаривает с трудом. Мэйвен сидит на троне неподвижно, только горло у него слегка движется. Он издает какой-то звук, неуловимый для камеры, побуждая Мэру закончить как положено.

Мэра Бэрроу вскидывает голову и смотрит в объектив. Глаза у нее черны от ярости.

– Их рассвет сияет не для новокровок.

В комнате раздаются протестующие крики, ругань по адресу Мэйвена, Мерандуса, даже девочки-молнии, которая произнесла эти слова.

– ...коронованное чудовище...

– ...да я бы покончила с собой, но не сказала...

– ...просто кукла...

– ...предательница, вот и всё...

– ...она не в первый раз пляшет под его дудку...

Килорн вмешивается первым.

– Думаете, она сказала это по своему желанию? – сжав кулаки, спрашивает он, звучно, но не грубо.

Его лицо краснеет от досады, и Кэл кладет руку ему на плечо в знак поддержки. Многие замолкают, особенно бойцы помладше. Вид у них смущенный, виноватый. Восемнадцатилетний парень их здорово пристыдил.

– Тихо, вы все! – гремит полковник, и остальные затихают. Он поворачивается и смотрит на нас своими разными глазами. – Эта дрянь еще не закончила.

– Полковник... – рычит Кэл. В его голосе ясно слышится угроза.

В ответ полковник указывает на экран. На Мэйвена, а не на Мэру.

– ...предлагаю убежище всем, кто бежит, боясь Алой гвардии. Также мои двери открыты для новокровок, которые спасаются от геноцида. Я разослал приказ в королевские резиденции Археона, Причальной гавани, Дельфи и Саммертона, а также на военные базы Норты. Вас защитят от истребления. Вы получите еду и убежище – и, если пожелаете, научитесь управляться со своими способностями. Вы – мои подданные, которых я должен защищать, и я брошу на это все ресурсы, какие у меня есть. Мэра Бэрроу – не первая, кто присоединился к нам, и не последняя.

У него хватает наглости положить руку ей на плечо.

Вот так мальчишка стал королем. Он не просто жесток и безжалостен – он необыкновенно умен. Если бы не пылающая во мне ярость, я бы восхитилась. Хитрость Мэйвена, разумеется, еще доставит Гвардии проблем. Лично меня больше беспокоят новокровки, оставшиеся за пределами ее досягаемости. Мы служили Мэре и сопротивлению, поскольку у нас было мало выбора. Теперь вариантов еще меньше. Гвардия или король. Для обеих сторон мы – оружие. Обе с легкостью отправят нас на смерть.

Но здесь, по крайней мере, нет цепей.

Я смотрю через плечо, ища Аду. Она не сводит глаз с экрана, с легкостью запоминая каждую черточку, каждый кадр, чтобы проанализировать их потом. Как и я, она хмурится, думая о проблемах, о которых еще не задумались бойцы Алой гвардии. Что станет с такими, как мы?

– Алой гвардии я скажу лишь одно, – добавляет Мэйвен и поднимается с трона. – Ваш рассвет – это тьма, и она никогда не завладеет моей страной. Мы будем драться до последнего. Сила и власть.

На возвышении и вокруг, в тронном зале, все повторяют эти слова, как заклинания. Включая Мэру.

– Сила и власть.

Картинка замирает на секунду, запечатлеваясь в мозгу. Красная и Серебряный, девочка-молния и король Мэйвен, объединившиеся против великого зла, которым они выставили нас. Я знаю, что Мэру принудили, но все-таки она виновата. Разве она не понимала, что Мэйвен использует ее в своих целях, если не убьет?

«Она не думала, что он поступит так». Кэл сказал это, когда узнал про допрос. У них обоих есть слабое место – Мэйвен. И эта слабость продолжает нам мешать.

В Ущелье Мэра изо всех сил старалась меня обучить. Я тренируюсь и здесь, когда только могу, вместе с остальными новокровками, постигающими свои возможности. Кэл и Джулиан Джейкос пытаются нам помочь, но многие не доверяют их советам. Лично я нашла другого помощника.

Я знаю, что становлюсь сильнее, даже если не собранней. Теперь я чувствую, как она бьется под кожей – блаженная пустота, успокаивающая хаос вокруг. Она просится на свободу, и я сжимаю ее в кулаке, загоняя обратно. Я не могу обратить свой гнев на людей вокруг. Они мне не враги.

Когда экран чернеет и трансляция заканчивается, человек десять начинают кричать одновременно. Кэл бьет ладонью по столу и отворачивается, что-то бормоча.

– Хватит с меня, – говорит он и проталкивается к двери.

Вот и глупо. Он знает своего брата. Он может разобраться в словах Мэйвена лучше, чем все мы.

Полковник тоже это понимает.

– Верните его, – негромко произносит он и наклоняется, чтобы обменяться парой слов с Джулианом.

Серебряный кивает и устремляется вдогонку за племянником. Многие замолкают и смотрят ему вслед.

– Капитан Фарли, что думаете? – спрашивает полковник, и его резкий голос вновь привлекает общее внимание.

Он складывает руки на груди и поворачивается к дочери.

Фарли сосредоточена. Услышанная речь как будто не произвела на нее никакого действия. Она прожевывает кусок картошки.

– Естественным откликом было бы запустить свою трансляцию. Опровергнуть утверждения Мэйвена, показав стране тех, кого мы спасли.

Использовать нас для пропаганды. Сделать то же самое, что сделал Мэйвен с Мэрой. Я чувствую дурноту при мысли о том, что меня поставят перед камерой и заставят петь хвалы людям, которых я едва выношу и которым не доверяю.

Полковник кивает.

– Согласен..

– Но я не думаю, что это будет правильно.

Полковник поднимает бровь над незрячим глазом.

Фарли продолжает:

– Это будут просто слова. Бесполезная трата времени в нынешней ситуации, – она постукивает пальцами по губам, и я вижу, как крутятся колесики у нее в голове. – Вот что я думаю.. пускай Мэйвен говорит, а мы будем действовать. Наше проникновение в Корвиум уже напрягло короля. Вы слышали – он умолчал об этом? Он пытается укрепить общий дух. Очевидно, при дворе не всё ладно.

Джулиан возвращается, держа руку на плече Кэла. Они одного роста, хотя Кэл килограммов на двадцать тяжелее дяди. Тюрьма Коррос всерьез сказала на Джулиане, как и на всех, кто там был.

– У нас много сведений, касающихся Корвиума, – продолжает Фарли. – И его стратегическая важность для Норты, не говоря уж о боевом духе, делает Корвиум прямо-таки идеальным местом.

– Для чего? – спрашиваю я внезапно, удивив всех присутствующих, в том числе себя.

Фарли достаточно опытна, чтобы обратиться ко мне напрямую.

– Для первой атаки. Для того, чтобы Алая гвардия официально объявила войну королю Мэйвену.

Кэл издает сдавленный вопль. Это вовсе не то, что ожидаешь от принца и солдата. Его лицо бледнеет, глаза округляются... от страха?

- Корвиум - крепость. Город, выстроенный с одной-единственной целью - устоять во время вой-ны. Там тысяча Серебряных, обученных...

- ...распоряжаться. Сражаться с Озерными. Стоять за линией огня и отмечать места на карте, - возражает Фарли. - Скажи мне, что я ошибаюсь, Кэл. Скажи, что твои сородичи готовы сражаться внутри собственной цитадели.

Взгляд, который он устремляет на нее, испепелил бы любого, но Фарли не ведет и бровью. Более того, она укрепляется в своем мнении.

- Тебя и всех, кто последует за тобой, ждет смерть, - говорит Кэл.

Она смеется при этом откровенном выпаде и еще подливает масла в огонь.

- На меня не рассчитывайте, - рычит Кэл. - Удачи тебе в атаке на Корвиум... без сведений, которые ты рассчитывала получить.

Эмоции Фарли не настолько окрашены способностью. Комната не сторит, и неважно, каким красным становится ее лицо.

- Я уже получила все, что нужно, от Шейда Бэрроу!

Обычно это имя отрезвляет всех. Вспомнить о Шейде Бэрроу значит вспомнить, как он погиб и как его смерть отразилась на людях, которых он любил. Мэра застыла и опустела изнутри, превратилась в человека, готового пожертвовать собой, чтобы уберечь друзей и родных от страшной судьбы. Фарли осталась одинока в своей решимости - и сосредоточилась только на Алой гвардии и больше ни на чем. Я почти не знала Фарли и Мэру до того, как Шейд погиб, но даже мне грустно вспоминать, какими они были. Потеря изменила обеих, и не к лучшему.

Фарли преодолевает боль, которую причиняет воспоминание о Шейде, - хотя бы ради того, чтобы наказать Кэла.

- Прежде чем мы инсценировали его казнь, Шейд был нашим основным агентом в Корвиуме. Он использовал свою способность, чтобы передавать нам информацию. Даже не думай, что ты - наш единственный козырь в этой игре, - спокойно произносит Фарли и вновь поворачивается к полковнику. - Предлагаю масштабную атаку. Используем новокровок вкупе с Красными солдатами и нашими лазутчиками в городе.

«Используем новокровок». Эти слова ранят, жгут, язвят, оставляют горький привкус во рту.

Кажется, теперь моя очередь выскочить из комнаты.

Кэл смотрит мне вслед. Его губы мрачно и плотно сжаты.

«Ты не единственный, кто умеет устраивать истерики», - думаю я, выходя.

8. Мэра

Я не сопротивляюсь, когда Арвены сводят меня с возвышения. Яйцеголовый и Трио держат меня под руки, Кошка и Клевер идут следом. Мы движемся прочь

от толпы, и мое тело как будто постепенно утрачивает чувствительность. «Что я наделала? – думаю я. – И что теперь будет?»

Где-то на это смотрят остальные. Кэл, Килорн, Фарли, мои родные. Они видели трансляцию. От стыда впору заблевать свое проклятое роскошное платье. Я чувствую себя хуже, чем в тот день, когда читала список Мер, которые многих обрекли на военную службу в отместку за поступок Алой гвардии. Но тогда все знали, что Меры – не моя выдумка. Я их просто озвучила.

Арвены толкают меня вперед. Не той дорогой, какой мы пришли, а куда-то за трон, через дверь, в незнакомые помещения.

Первое – очевидно, зал совета. Там стоит длинный мраморный стол, а вокруг – десяток плюшевых кресел. И холодное серое сиденье – для Мэйвена. Комната ярко освещена лучами заката. Окна выходят на запад, не на реку – из них открывается вид на дворцовые стены и пологие холмы, покрытые заснеженными лесами.

В прошлом году мы с Килорном честно трудились – кололи лед на реке за несколько лишних монет, рискуя обморозиться. Мы возились примерно неделю, пока я не поняла, что медная мелочь за колку льда, который неизбежно намерзал вновь, – пустая трата времени. Как странно сознавать, что это было лишь год назад.. целую жизнь назад.

– Прощу прощения, – произносит негромкий голос, который доносится из единственного кресла, стоящего в тени.

Я поворачиваюсь на звук и вижу, как навстречу мне поднимается Джон с книгой в руке.

Ясновидец. Его красные глаза горят каким-то непонятным внутренним светом. Я думала, он наш союзник, новокровка с такой же странной, как у меня, способностью. Он гораздо сильнее Серебряных провидцев, он может заглядывать в будущее намного дальше их. И теперь он стоит передо мной – враг, выдавший нас Мэйвену. Его взгляд сродни прикосновению раскаленных игл.

Именно из-за него я повела своих друзей на штурм тюрьмы Коррос, из-за него погиб мой брат. При виде Джона ледяное онемение проходит и пустота сменяется неистовым электрическим жаром. Я мечтаю лишь об одном – ударить предателя по лицу чем попало. Но ограничиваюсь гневным рыком.

– Приятно видеть, что Мэйвен не всех своих собачек держит на поводке.

Джон моргает.

– Приятно видеть, что ты не так слепа, как раньше, – произносит он, когда я прохожу мимо.

Когда мы встретились впервые, Кэл предупредил, что люди, пытающиеся разгадать тайны будущего, порой сходят с ума. Он был абсолютно прав, и больше я в эту ловушку не попадусь. Я отворачиваюсь, подавляя желание осмыслить тщательно выбранные слова Джона.

– Игнорируйте меня, если хотите, мисс Бэрроу. Не я – ваша проблема, – продолжает Джон. – Вам нужно беспокоиться лишь об одном человеке здесь.

Я оборачиваюсь: мускулы реагируют, прежде чем успевают отозваться мозг. Разумеется, Джон заговаривает первым, предвосхитив мои слова.

- Нет, Мэра, я не себя имею в виду.

Мы оставляем его и идем дальше, туда, куда меня ведут. Молчание так же мучительно, как встреча с Джоном, поскольку мне не на чем сосредоточиться, кроме его слов. Я не сомневаюсь, что он имеет в виду Мэйвена. Нетрудно понять намек. И предостережение.

Какая-то часть моей души, совсем маленькая, по-прежнему влюблена в вымысел. В иллюзию внутри живого человека, которого я никак не могу постичь. В призрак, который сидел у моей постели, пока меня терзали кошмары. Призрак, который не подпускал ко мне Самсона, пока мог - я это знаю, - отсрочивая неизбежную пытку.

Призрак, который на свой искаженный лад любит меня.

И я чувствую, что поддаюсь действию яда.

Как я и подозревала, мы не возвращаемся в спальню. Я пытаюсь запомнить дорогу, отмечая про себя двери и коридоры, которые отходят от многочисленных залов и салонов в этом крыле дворца. Мы минуем апартаменты, всё более пышные. Но меня больше интересуют цвета, которые преобладают в комнатах, а не обстановка. Красный, черный, серебряный - просто запомнить. Цвета правящего Дома Калора. И синий. От него мне становится дурно. Это цвет Эллары. Она мертва, но еще не ушла отсюда.

Наконец мы останавливаемся в маленькой, но богатой библиотеке. Закатное солнце пробивается сквозь тяжелые занавески на окне. Пыль танцует в алых лучах, как пепел над гаснущим огнем. Такое ощущение, что я внутри сердца, полного крови. Я понимаю, что это кабинет Мэйвена, и подавляю желание занять кожаное кресло за лакированным столом. Предъявить претензию хоть на что-то из его имущества. Возможно, тогда мне полегчает - но только на мгновение.

Вместо этого я изучаю обстановку, внимательно глядя вокруг широко раскрытыми глазами. Гобелены, вышитые черными и серебряными нитками по алой ткани, висят попеременно с портретами и фотографиями предков Кэла. Дом Мерандуса представлен только бело-синим флагом, свисающим со сводчатого потолка. Флаги других королей тоже здесь - одни яркие, другие вылинявшие, третьи совсем ветхие. Кроме золотого цвета Дома Джейкоса. Его вообще тут нет.

Кориана, мать Кэла, изгнана отсюда.

Я быстро рассматриваю портреты, хотя сама не знаю, чего ищущу. Все эти лица мне незнакомы, кроме отца Мэйвена. Портрет покойного короля, больше остальных, висит над камином - его трудно не заметить. По-прежнему в черном - в знак траура. Тиберий умер лишь несколько месяцев назад.

Я узнаю в его лице Кэла, и Мэйвена тоже. Тот же прямой нос, высокие скулы, густые, блестящие черные волосы. Семейные черты, судя по портретам других королей из Дома Калора. Тот, кого звали Тиберий Пятый, был особенно красив, просто до жути. Но, опять-таки, художникам платят не за то, чтобы они изображали заказчиков уродливыми.

Неудивительно, что изображения Кэла тоже нет. Его убрали отсюда, как и Кориану. Несколько мест на стене подозрительно пусты - судя по всему, раньше портреты висели там. Но почему бы и нет? Кэл был первенцем Тиберия, его любимым сыном. Неудивительно, что Мэйвен снял портреты брата. Не сомневаюсь, он их сжег.

- Как здоровье? - спрашиваю я у Яйцеголового, притворно улыбаясь.

Он отвечает сердитым взглядом, и моя улыбка растет. Я сохраню, как драгоценность, воспоминание о нем, сраженном электрическим током и распростертом на полу.

- Больше не трясет? - продолжаю я, движениями ладони изображая, как дергалось его тело.

И снова он молчит, хотя его шея становится сине-серой от гневного прилива крови. Довольно забавное зрелище.

- Слушай, у вас отличные целители.

- Развлекаешься?

Мэйвен входит один. Он кажется странно маленьким по сравнению с тем, что изображает из себя на троне. Впрочем, Стражи наверняка рядом, прямо за дверью. Мэйвен не настолько глуп, чтобы ходить куда-либо без них. Он помахивает рукой, отсылая Арвен. Они быстро уходят, тихо как мыши.

- А мне особо больше нечем развлечься, - отвечаю я, когда они исчезают.

В тысячный раз за сегодня я проклиная свои оковы. Без них Мэйвен был бы мертв, как Элара. Но они заставляют меня терпеть мальчика-короля во всем его отвратительном блеске.

Мэйвен ухмыляется, смакуя эту мрачную шутку.

- Приятно видеть, что даже я не могу тебя изменить.

Мне нечем ответить. Я не в силах сосчитать, скольким переменам подверг меня Мэйвен, уничтожив ту девушку, какой я была раньше.

Как я и подозревала, он поспешно подходит к столу и садится с невозмутимым, хорошо рассчитанным изяществом.

- Я должен извиниться за грубость, Мэра.

Очевидно, у меня глаза лезут на лоб, потому что Мэйвен смеется.

- Твой день рождения был больше месяца назад, а я ничего тебе не подарил.

Так же помахав рукой, он приказывает мне сесть напротив.

Удивленная, потрясенная, все еще отупевшая после выступления в зале, я подчиняюсь.

- Поверь, - негромко говорю я, - я прекрасно обойдусь без новых ужасов, которые ты способен мне подарить.

Его улыбка расширяется.

- Тебе понравится, обещаю.

- Верится с трудом.

Ухмыляясь, Мэйвен лезет в ящик стола и бесцеремонно бросает мне лоскут шелка. Черный, наполовину расшитый красными и золотыми цветами. Я жадно хватаю его. Это работа Гизы. Я пропускаю ткань между пальцев. Она по-прежнему гладкая и прохладная на ощупь, вовсе не испачканная слизью, не отравленная прикосновением Мэйвена, как я думала. Каждая нитка - частица

Гизы. Безупречная, прекрасная в своей пламенной красоте вышивка. Напоминание о сестре и о родных.

Мэйвен смотрит, как я кручу в руках ткань.

– Мы забрали ее у тебя после ареста. Пока ты была без сознания.

«Без сознания». Заключение в собственном теле, подвергнутая пытке сонаром.

– Спасибо, – сдержанно выговариваю я.

Как будто у меня есть причины за что-то его благодарить.

– И...

– И?

– Я дарю тебе один вопрос.

Я недоуменно моргаю.

– Ты можешь задать один вопрос, и я честно на него отвечу.

На мгновение я не верю своим ушам.

«Я человек слова, когда хочу того». Пока что Мэйвен придерживается сказанного. Если он сдержит обещание, это будет настоящий подарок.

Первый вопрос возникает сразу же. «Они живы? Ты действительно оставил их там и позволил уйти?» Он едва не срывается с моих губ, но я передумываю и решаю не тратить свою привилегию зря. Разумеется, они ушли. Если бы Кэл погиб, я бы об этом узнала. Мэйвен злорадствовал бы, ну или кто-нибудь мне сказал бы. И он слишком уж озабочен Алой гвардией. Если бы и других схватили вслед за мной, он знал бы больше и боялся меньше.

Мэйвен склоняет голову набок, наблюдая за тем, как я думаю, совсем как кот наблюдает за мышкой. Он наслаждается. И от этого по мне ползут мурашки.

«Зачем ты делаешь такой подарок? Зачем позволяешь спрашивать?» Еще один вопрос, который чуть не вырывается у меня. Потому что я и на него знаю ответ. Мэйвен – не тот, кем я его считаю, но это не значит, что он – совершенная загадка. Я могу догадываться – могу и ошибаться. На свой лад он объясняет мне свои поступки. Дает понять, что он сделал и почему продолжает это делать. Он знает, какой вопрос я в конце концов задам, набравшись смелости. Он король – но и просто парень тоже, одинокий в мире, который создал себе сам.

– Какова была в этом ее роль?

Он не морщится. Мэйвен знает меня слишком хорошо, чтобы удивиться. Какая-нибудь дурочка позволила бы себе надеяться – поверила бы, что он был марионеткой злобной женщины, а теперь брошен и плывет по течению. Продолжает идти той же дорогой, потому что не знает, как с нее свернуть. К счастью, я не настолько глупа.

– Я поздно начал ходить. – Мэйвен смотрит не на меня, а на синий флаг над нами. Украшенный белым жемчугом и дымчатыми драгоценными камнями. Предмет роскоши, который обречен собирать пыль в память об Эларе. – Врачи и даже отец говорили маме, что со временем все будет хорошо. Однажды я

поправлюсь. Но она считала, что «однажды» – это слишком неопределенно. У королевы не может быть недоразвитого сына-калеки. Особенно после того, как Кориана подарила королевству Кэла – улыбчивого, общительного, веселого... идеального принца. Мать прогнала няньку, обвинив ее во всех моих недостатках, и сама стала учить меня ходить. Я не помню, но она много раз мне рассказывала. Она думала – это доказательство ее любви.

Внутри у меня собирается страх, хотя я не понимаю почему. Что-то подсказывает, что надо встать, выйти из комнаты и вернуться в распростертые объятия охраны. «Снова ложь, снова ложь, – говорю я себе. – Искусно сплетенная, как умеет только он». Мэйвен не в силах смотреть мне в лицо. Я ощущаю в воздухе стыд.

Безупречные ледяные глаза завлакивает влага, но я уже давно приобрела иммунитет к его слезам. Первая слезинка повисает на темных ресницах – дрожащая хрустальная капля.

– Я был маленьким ребенком, и она меня переломила. Мне приходилось вставать, ходить, падать. Она занималась со мной каждый день. В конце концов я начинал плакать, как только она входила в комнату. Пока не научился. Сам. От страха. Но это ее не устраивало. Ребенок, который плачет, когда мать берет его на руки? – он качает головой. – В конце концов она лишила меня и страха.

Глаза Мэйвена темнеют.

– Как и многих других вещей. Ты спрашиваешь, какова в этом ее доля, – шепотом продолжает он. – Она достаточно велика.

«Но не весь он – дело рук своей матери».

Больше я не в силах терпеть. Неверными движениями, шатаюсь от тяжести оков и от того, как болезненно сжимается сердце, я поднимаюсь со стула.

– Ты не можешь до сих пор ее винить, Мэйвен, – шиплю я, отступая к двери. – Не лги мне и не говори, что делаешь это из-за мертвой женщины.

Слезы пропадают так же быстро, как и появились. Они исчезли, словно их никогда не было. Брешь в броне пропадает. «Хорошо». У меня нет желания видеть, что под ней.

– Неправда, – внятно и медленно произносит Мэйвен. – Ее больше нет. Решения принимаю только я. В этом я абсолютно уверен.

Трон. Его место в зале совета. Очень простое по сравнению с шедеврами из алмазного стекла и бархата, на которых сидел покойный король. Трон Мэйвена вытесан из грубого камня, он незатейлив, без драгоценных камней и металлов. И теперь я понимаю почему.

– Молчаливый камень. Ты принимаешь все решения, сидя на нем.

– А ты поступила бы иначе? Если рядом постоянно маячит Дом Мерандуса? – Мэйвен откидывается на спинку, подперев подбородок рукой. – Хватит с меня нашептываний, которые они называют руководством. Я ими на всю жизнь насытился.

– Хорошо, – отрывисто говорю я. – Значит, в том зле, которое ты наделал, тебе некого винить, кроме самого себя.

Уголок губ у Мэйвена приподнимается в слабой пренебрежительной улыбке.

- Ну да, конечно.

Я подавляю желание схватить что попало и врезать ему по голове, чтобы навеки стереть с лица Мэйвена улыбку.

- Если бы только я могла убить тебя и покончить с этим.

- Как ты меня напугала, - с удовольствием произносит он, цокая языком. - А потом что? Побежишь обратно к Алой гвардии? К моему брату? Самсон много раз видел его в твоих мыслях. Снах. Воспоминаниях.

- Кэл до сих пор не дает тебе покоя, даже теперь, когда ты победил?

Ударить по больному нетрудно. Улыбка Мэйвена бесит меня, зато моя злит его не меньше. Мы знаем, как подколоть друг друга.

- В таком случае странно, что ты изо всех сил пытаешься ему подражать.

Теперь уже поднимается Мэйвен. Упершись руками в стол, он встает и смотрит мне в глаза. Уголок рта у него подергивается, и на лице возникает горькая усмешка.

- Я делаю то, что никогда не смог бы сделать мой брат. Кэл следует приказам, но не умеет принимать решения. Ты знаешь это не хуже, чем я. - Взгляд Мэйвена на мгновение падает на пустое место на стене. Он ищет портрет Кэла. - Ты вправе считать его распрекрасным - таким благородным, смелым, безупречным. Но король из него получился бы гораздо хуже, чем из меня.

И я почти согласна с ним. Я столько месяцев наблюдала, как Кэл балансировал на грани между Алой гвардией и Серебряной кровью, отказываясь убивать, но не решаясь и помешать нам, не приставая ни туда ни сюда. Пусть даже он видел ужас и несправедливость, принц по-прежнему соблюдает нейтралитет. Но он не Мэйвен. В нем ни на грамм нет такого зла, как в младшем брате.

- Только один человек на моей памяти называл его безупречным. Ты сам, - говорю я спокойно, и это бесит Мэйвена еще сильнее. - Кажется, ты все-таки слегка на нем помешан. Неужели и в этом ты обвинишь свою мать?

Я хотела пошутить, однако для Мэйвена это ни разу не шутка. Его взгляд плывет, но лишь на мгновение. Жуткое мгновение. Я ощущаю, как глаза у меня расширяются против воли, а сердце сжимается в груди. «Он не знает». Мэйвен искренне не понимает, какие части сознания принадлежат ему, а какие были созданы Эларой.

- Мэйвен, - невольно шепчу я, напуганная тем, на что наткнулась.

Он проводит рукой по темным волосам, дергая себя за пряди, так что они становятся дыбом. Странная тишина продолжается. Мы оба совершенно открыты. Такое ощущение, что я забрела туда, куда не нужно, нарушила границу и зашла в такое место, куда мне вообще-то совершенно не хочется.

- Уйди, - наконец говорит Мэйвен дрогнувшим голосом.

Я не двигаюсь, пытаюсь осознать то, что могу. «Потом пригодится». Не потому, что мне тяжело идти. Не потому, что я вновь ощутила невероятный приступ жалости к призрачному принцу.

- Я сказал - уйди.

Я привыкла, что гнев Кэла наполняет помещение теплом. Гнев Мэйвена леденит, и по моему позвоночнику ползет холод.

- Чем дольше вы заставляете их ждать, тем хуже.

Эванжелина прекрасно умеет выбрать время.

Она врывается в комнату, как всегда, словно вихрь зеркальной стали, волооча за собой длинный плащ. Он приобретает цвет интерьера, переливаясь алым и пунцовым и сверкая от каждого движения. Пока я наблюдаю за ней, чувствуя, как сердце колотится в груди, плащ раскалывается надвое и меняет облик у меня на глазах, обвивая каждой половинкой мускулистую ногу. Эванжелина усмехается, не мешая мне смотреть, как ее придворное платье превращается во внушительные доспехи. Впрочем, они тоже смертоносно прекрасны и достойны королевы.

Как и раньше, я - не ее проблема, и Эванжелина отворачивается от меня. Она не упускает странное напряжение в воздухе и загнанный вид Мэйвена. Эванжелина прищуривается. Как и я, она пытается осмыслить то, что видит. Как и я, она использует это к своей выгоде.

- Мэйвен, ты меня слышал? - она смело делает несколько шагов и огибает стол, чтобы приблизиться к королю. Мэйвен быстро уклоняется от ее руки. - Губернаторы ждут, и мой отец лично..

Мэйвен сердито и решительно хватает со стола листок бумаги. Судя по размашистой подписи внизу, это какая-то петиция. Гневно глядя на Эванжелину, он отводит листок в сторону и изгибает запястье, вызывая искры. Они превращаются в двойную огненную дугу и пронзают бумагу, как ножи масло. Петиция рассыпается пеплом, запачкав сверкающий паркет.

- Передай отцу и его марионеткам, что я думаю о его предложении.

Если Эванжелину и удивили его действия, она не показывает этого. Она фыркает и рассматривает собственные ногти. Я искоса смотрю на нее, прекрасно сознавая, что Эванжелина набросится на меня, если я хотя бы вздохну слишком громко. Я стою тихо, с круглыми глазами, жалея, что не обратила внимания на эту петицию раньше. Жаль, что я не знаю, о чем в ней шла речь.

- Осторожней, милый, - говорит Эванжелина - без особой нежности. - Король, у которого нет сторонников, - не король.

Он поворачивается и подходит к ней так быстро, что застаёт врасплох. Они почти одного роста - и стоят лицом к лицу. Огонь и железо. Я и не рассчитываю, что Эванжелина дрогнет. Она не боится Мэйвена - мальчика-принца, с которым вместе наматывала круги на тренировках. Мэйвен - не Кэл. Но веки у нее трепещут, черные ресницы колеблются на фоне серебристо-белой кожи, выдавая страх, который она пытается скрыть.

- Не думай, что знаешь, какой я король, Эванжелина.

Я слышу голос его матери, и это пугает нас обоих.

Потом Мэйвен вновь обращает глаза на меня. Смущенный мальчик, которого я видела минуту назад, исчез, сменившись живым камнем с застывшим взглядом. «И тебя это тоже касается», - гласит выражение его лица.

Хотя мне до смерти хочется убежать отсюда, я стою неподвижно. Мэйвен лишил меня всего, но я не выкажу страха и покорности. Больше я не побегу. Особенно в присутствии Эванжелины.

Она снова смотрит на меня, изучая каждый сантиметр моего тела. Запоминая, как я выгляжу. Очевидно, она мысленно стирает прикосновения целителя, замечая и синяки, которые я заработала во время попытки к бегству, и вечные тени под глазами. Когда Эванжелина упирается взглядом в мои ключицы, я не сразу понимаю, почему. Губы у нее приоткрываются – несомненно, это удивление.

Злая и пристыженная, я прикрываю клеймо воротником. Но в процессе не отвожу глаз от Эванжелины. Она тоже не в состоянии лишить меня гордости.

– Стража, – наконец зовет Мэйвен, повысив голос.

Арвены являются, вытянув руки и готовясь меня увести. Мэйвен указывает подбородком на Эванжелину.

– Ты тоже.

Разумеется, ей это не нравится.

– Я не пленница, которую можно шпынять...

Я улыбаюсь, пока Арвены выводят меня за дверь. Она закрывается, но из-за нее доносится голос Эванжелины. «Удачи, – думаю я. – Ты волнуешь Мэйвена еще меньше, чем я».

Охранники идут быстрым шагом, и я вынуждена за ними успевать. Это не так просто в платье, которое сковывает движения, но я как-то справляюсь. Обрывок шелка с вышивкой Гизы, крепко сжатый в кулаке, кажется таким мягким на ощупь. Я подавляю желание понюхать ткань, найти какое-нибудь воспоминание о сестре. Я воровато оборачиваюсь, надеюсь увидеть, кто именно ждет аудиенции у нашего злого короля. Но вижу только Стражей, в черных масках и огненных плащах, которые стоят возле двери кабинета.

Она внезапно распаивается, подпрыгнув на петлях, и со стуком захлопывается. Для урожденной аристократки Эванжелина чересчур разгневана. Интересно, пыталась ли моя старая наставница, леди Блонос, научить ее сдержанности. Это зрелище забавляет меня, и на моих губах появляется столь редкая улыбка. Она причиняет боль, но мне всё равно.

– Не ухмыляйся, девочка-молния, – рычит Эванжелина и ускоряет шаг.

Ее реакция лишь подстрекает меня, невзирая на опасность. Отвернувшись, я смеюсь. Мои стражи не произносят ни слова, но слегка прибавляют скорость. Даже они не хотят иметь дело с обозленным магнетроном, у которого руки чешутся подражаться.

Однако Эванжелина нагоняет нас, ловко обогнув Яйцеголового и встав прямо передо мной. Стражи резко останавливаются и придерживают меня.

– Если ты не заметила, я немного занята, – говорю я, жестом указав на охранников, которые держат меня за обе руки. – И в моем расписании нет места для ссоры. Цепляйся к тому, кто способен дать сдачи.

Улыбка Эванжелины ярка и остра, как пластины брони.

– Не преуменьшай. У тебя еще достаточно сил для драки.

Она наклоняется вплотную ко мне, как к Мэйвену. Очень легкий способ показать, что ей не страшно. Я стою неподвижно, заставляя себя не

вздрагивать, даже когда она отделяет острую, как бритва, чешуйку от своей брони, как лепесток от цветка.

– По крайней мере, я на это надеюсь, – негромко заканчивает Эванжелина.

Она аккуратно срезает воротник моего платья и отрывает кусок расшитой алой ткани. Я подавляю желание прикрыть выжженную на моем теле букву М и чувствую, как горячий румянец стыда ползет вверх по шее.

Эванжелина не сводит глаз с грубых очертаний клейма. И вновь как будто удивляется.

– Не похоже на несчастный случай.

– Хочешь поделиться еще какими-нибудь удивительными наблюдениями? – спрашиваю я сквозь зубы.

Усмехнувшись, она возвращает чешуйку на корсаж.

– Не с тобой.

Я выдыхаю, когда она отстраняется, и между нами появляется небольшое расстояние.

– Элейн?

– Да, Эви, – раздается голос.

Из ниоткуда.

Я чуть не выпрыгиваю из платья, когда за спиной у Эванжелины, прямо из воздуха, появляется Элейн Хэйвен. Тень, способная манипулировать светом, достаточно мощная, чтобы стать невидимой. Интересно, долго ли она стояла рядом с нами. Возможно, она присутствовала в кабинете, вместе с Эванжелиной или без нее. Она могла уже давно наблюдать за происходящим. Не исключаю, что Элейн ходила за мной по пятам с того момента, как я попала сюда.

– Никто не пытался надеть на тебя колокольчик? – отгрызаюсь я, хотя бы для того, чтобы скрыть страх.

Элейн любезно улыбается, но глаза у нее остаются холодными.

– Пару раз.

Мы знакомы. Мы много раз тренировались вместе и никогда не ладили. Она, как и Соня, – подруга Эванжелины, достаточно умная особа, чтобы заключить союз с будущей королевой. Как подобает леди из Дома Хэйвена, платье и украшения у нее – непроглядно черного цвета. Это не траур, а уважение к цветам клана. У Элейн раскосые глаза, идеальная матовая кожа и рыжие волосы, цвета яркой меди по сравнению с платьем. Она изменяет свет вокруг себя, и ее окружает неземное сияние.

– Мы закончили, – говорит Эванжелина, устремив свои пронизывающие глаза на Элейн. – Пока что.

И бросает через плечо убийственный взгляд, чтобы поставить точку.

9. Мэра

Быть куклой – странное занятие. Я провожу больше времени на полке, чем в игре. Но, когда меня вынуждают, я пляшу под дудку Мэйвена – он соблюдает условия, пока их соблюдаю я. В конце концов, он человек слова.

Первый новокровка просит убежища в Причальной гавани и, как обещал Мэйвен, получает полную защиту от так называемых ужасов Алой гвардии. Через несколько дней этого бедолагу по имени Морритан перевозят в Археон и представляют самому королю. Процесс широко транслируют. Теперь его имя и способности известны всем при дворе. К удивлению многих, Морритан – поджигатель, как отпрыски Дома Калора. Но в отличие от Кэла и Мэйвена он не нуждается в специальном браслете, даже в искре извне. Его огонь порожден способностью, и одной только способностью, совсем как моя молния.

Я вынуждена сидеть и смотреть, устроившись в золоченом кресле, вместе с остальными придворными. Джон-ясновидец сидит рядом, красноглазый и тихий. Как первые двое новокровок, присоединившиеся к Серебряному королю, мы имеем право на почетные места рядом с Мэйвеном, уступая лишь Эвангелине и Самсону Мерандусу. Но внимание на нас обращает только Морритан. Когда он приближается, на глазах у двора и десятка видеокамер, то не сводит с меня глаз. Он дрожит от страха, но отчего-то мое присутствие не позволяет ему убежать и толкает вперед. Он верит, что Алая гвардия охотится за новокровками. Он верит в то, что Мэйвен заставил меня сказать. Морритан преклоняет колени и клянется вступить в королевскую армию. Тренироваться вместе с Серебряными офицерами. Сражаться за короля и свою страну.

Сохранять молчание и неподвижность по-прежнему труднее всего. Несмотря на худобу, золотистую кожу и руки, огрубевшие от многолетней работы, Морритан похож на крольчонка, который забежал прямо в капкан. Одно мое неверное слово – и ловушка захлопнется.

За ним следуют и другие.

День за днем, неделя за неделей. Иногда поодиночке, иногда сразу десяток. Они приходят со всех концов страны, стремясь к предполагаемой безопасности, обещанной королем. Одни напуганы, другие слишком глупы и искренне хотят получить место у Мэйвена. Оставить позади жизнь, полную угнетения, и стать чем-то невероятным. Я не могу их винить. В конце концов, нам с рождения твердили, что Серебряные – наши господа, боги, что они превосходят нас. И вот они оказались настолько милосердны, чтобы позволить Красным жить в раю. Кто откажется к ним присоединиться?

Мэйвен хорошо играет свою роль. Он всех принимает как братьев и сестер, широко улыбается и не выказывает ни стыда, ни страха, делая то, что большинство Серебряных сочли бы отвратительным. Двор следует его примеру, но я вижу, как униженные перстнями руки скрывают презрительные или злобные усмешки. Пусть даже это часть спектакля, хорошо нацеленный удар против Алой гвардии, придворным не нравится происходящее. Более того, им страшно. У многих необученных новокровок есть способности, которые превосходят умения Серебряных и их понимание. Они наблюдают волчьими глазами, готовые в любой момент показать клыки.

В кои-то веки я перестала быть центром внимания. Это моя единственная радость, и даже преимущество. Девочка-молния никого не интересует без молний. Я делаю, что могу – немного, но не бессмысленное. Я слушаю.

Эвангелина нервничает, несмотря на железное внешнее спокойствие. Ее пальцы отбивают дробь на подлокотниках кресла и успокаиваются, только

когда Элейн рядом – тогда она что-то шепчет подруге или прикасается к ней. Но не смеет расслабиться. Эванжелина стоит на грани, такой же острой, как лезвие ее ножей. Нетрудно догадаться почему. Разговоры о свадьбе как будто под запретом. Хотя Эванжелина, несомненно, обручена с королем, она все еще не королева. Это ее пугает. Я вижу смятение в лице и поведении Эванжелины, в непрерывной смене сверкающих нарядов, каждый из которых еще замысловатее и пышнее предыдущего. Она – королева во всем, кроме титула, однако титул – основное, чего она хочет. И ее отец тоже. Воло маячит рядом с дочерью, такой представительный в черном бархате и серебряной парче. В отличие от Эванжелины, он не носит металла. Ни цепочки, ни даже кольца. Он не нуждается в оружии, чтобы казаться опасным. Тихий, всегда в черном, он больше похож на палача, чем на аристократа. Не знаю, как Мэйвен терпит его присутствие и непреходящую, сосредоточенную алчность во взгляде. Воло напоминает мне Элору. Постоянно наблюдающий за тронном, вечно ждущий шанса его занять.

Мэйвен видит это – но ничего не предпринимает. Он оказывает Воло уважение, которого тот требует, но более ничего. И оставляет Эванжелину в обществе обворожительной Элейн, очевидно радуясь, что будущая жена им не интересуется. Он определенно сосредоточен на чем-то другом. Как ни странно, не на мне, а на своем кузене Самсоне. Я тоже с трудом игнорирую этого Серебряного, который терзал мою душу. Я постоянно ощущаю его присутствие и пытаюсь расслышать шепот, хотя у меня вряд ли хватит сил, чтобы противостоять ему. Мэйвену не приходится об этом беспокоиться, раз у него есть трон из Молчаливого камня, который обеспечивает королю безопасность. И опустошает.

Когда меня учили быть принцессой – что само по себе смешно, – я, на правах невесты младшего принца, посещала все придворные мероприятия – балы и пиры. Но теперь, став пленницей, я посещаю их гораздо чаще. Я буквально сбилась со счета, сколько раз меня заставляли сидеть, как дрессированную собачку, и выслушивать просителей, политиков и новокровок, клянущихся в верности.

Сегодня, кажется, будет то же самое. Губернатор округа Разломы, лорд Дома Лариса, дочитывает хорошо отрепетированную просьбу, адресованную Казначейству, о восстановлении шахт, принадлежащих Самосу. Еще одна марионетка Воло, и ее нити отчетливо видны. Мэйвен разбирается с ним запросто – машет рукой и обещает разобраться. Хотя со мной Мэйвен – человек слова, с придворными он ведет себя иначе. Губернатор уныло опускает плечи, зная, что его прошение никогда не будет прочитано.

У меня уже болит спина от жесткого кресла и неподвижной позы, которую нужно сохранять во время этих придворных сборищ. Хрусталь и кружево. Как всегда, конечно, красные. Я нравлюсь Мэйвену в красном. Он говорит, этот цвет меня оживляет, пусть даже с каждым минувшим днем из меня по капле уходит жизнь.

Для ежедневных слушаний не требуется полное собрание всех придворных, и сегодня тронный зал наполовину пуст. Впрочем, на возвышении всё равно битком набито. Избранные спутники короля, стоящие справа и слева от него, безмерно гордятся своим положением – не говоря уж о возможности мелькнуть в очередном национальном телевещании. Когда вкатывают камеру, я понимаю, что, вероятно, явились очередные новокровки. И вздыхаю, предвкушая очередной день, полный чувства вины и стыда.

У меня всё скручивается в животе, когда открываются высокие двери. Я опускаю глаза, не желая запоминать лица пришедших. Многие последуют роковому примеру Морритана и присоединятся к королю в надежде изучить свои способности.

Джон, сидя рядом со мной, как обычно, ерзает. Я сосредотачиваюсь на его длинных тонких пальцах, которые собирают в складки штанину. Они движутся туда-сюда, словно Джон перелистывает страницы книги. Возможно, так оно и есть – он нащупывает ускользающие нити будущего, которые постоянно меняются. Интересно, что он видит. Но спрашивать я не буду. Я никогда не прошу Джона за измену. И он тоже не пытался заговорить со мной, с тех пор как мы встретились в зале совета.

– Добро пожаловать, – говорит новокровкам Мэйвен спокойным заученным тоном, и его голос разносится по тронному залу. – Вам нечего бояться. Отныне вы в безопасности. Я обещаю, что Алая гвардия вас здесь не достанет.

Скверно.

Я не поднимаю головы, скрывая лицо от камер. Кровь шумит в ушах и бьется в унисон с сердцем. Меня мутит, перед глазами всё плывет. «Бегите!» – мысленно кричу я, хотя никакой новокровка не мог бы сбежать сейчас из тронного зала. Я смотрю куда угодно, только не на Мэйвена и не на новоприбывших. Не на незримую клетку, которая смыкается вокруг них. Мой взгляд падает на Эванжелину – и я вижу, что она смотрит на меня. В кои-то веки она не усмехается. Ее лицо неподвижно и пусто. В этом она гораздо опытнее, чем я.

Ногти у меня обломаны до мяса за долгие ночи, полные тревоги, и еще более долгие дни, полные безболезненной пытки. Целительница Сконос, которая придает мне относительно здоровый вид, вечно забывает взглянуть на руки. Надеюсь, кто-нибудь из тех, кто увидит трансляцию, не забудет.

А король продолжает свое ужасное шоу.

– Итак?

Четверо новокровок представляются – каждый напуган сильнее предыдущего. Демонстрацию их способностей сопровождают удивленные ахи и тревожный шепот. Это – мрачная пародия на Выбор королевы. Впрочем, новокровки состязаются не за венец – они лезут из кожи вон, чтобы спасти свою жизнь, получить заветное убежище при дворе Мэйвена. Я стараюсь не смотреть, но от жалости и страха мой взгляд блуждает по залу.

Первая, коренастая женщина с бицепсами не хуже, чем у Кэла, осторожно проходит сквозь стену. Прямо через позолоченные деревянные панели и затейливую лепнину, как сквозь воздух. Когда восхищенный Мэйвен поощряет ее, она проделывает то же самое со Стражем. Он морщится – единственный намек на то, что за черной маской кроется человеческое существо, – но никакого вреда она ему не наносит. Понятия не имею, как работает эта способность. Я невольно думаю о Джулиане. Он тоже в Алой гвардии и, надеюсь, смотрит здешние трансляции. Если полковник позволяет, конечно. Он недолюбливает моих Серебряных друзей.

За женщиной следуют двое пожилых мужчин – седоволосые ветераны с рассеянным взглядом и широкими плечами. Их способности мне знакомы. Тот, что пониже, беззубый, похож на Кету, новокровку, которую я завербовала несколько месяцев назад. Хотя она могла взорвать предмет или человека одной лишь силой мысли, Кета не выжила в бою за Коррос. Она ненавидела свою способность, кровавую и жестокую. И этот новокровка тоже, кажется, не рад, пускай он уничтожает всего лишь стул, в мгновение ока заставив его разлететься в щепки. Второй вежливо представляется, назвавшись Террансом, и говорит, что умеет манипулировать звуком. Как Фарра, еще один мой боец. Она не полетела в Коррос. Надеюсь, она жива.

И наконец, женщина, ровесница моей матери. Черные волосы, заплетенные в косу, испещрены сединой. Она грациозно движется, приближаясь к королю беззвучными и изящными шагами опытной служанки. Как Ада, как Уолш, как сама я когда-то. Как многие из нас – раньше и теперь. Она низко приседает.

– Ваше величество, – произносит она мягким и приятным, как летний ветерок, голосом. – Я Халли, служанка из Дома Игри.

Мэйвен, наклеив на лицо фальшивую улыбку, жестом просит ее подняться. Она повинуется.

– Ты служила в Доме Игри, – негромко повторяет он.

И кивает, найдя в небольшой толпе придворных главу Дома.

– Благодарю вас, леди Меллина, за то, что обеспечили ей безопасность.

Высокая женщина с птичьим лицом торопливо кланяется, заранее зная, что скажет король. Она ясновидящая – и умеет читать ближайшее будущее. Очевидно, она разглядела способность своей служанки прежде, чем та хотя бы поняла, кто она такая.

– Ну, Халли?

На мгновение та взглядывает на меня. Надеюсь, я выдержу ее пристальный взгляд. Но ей не нужен ни мой страх, ни то, что я скрываю под маской. Халли отводит глаза, видя всё и одновременно ничего.

– Она умеет контролировать и создавать электричество, большое и малое, – говорит Халли. – У вас нет названия для этой способности.

Потом она смотрит на Джона. На ее лице возникает то же выражение.

– Он видит судьбу. Как бы далеко ни тянулся путь – он видит его, до тех пор, пока человек следует по нему. У вас нет названия для этой способности.

Мэйвен задумчиво прищуривается, и я проклиная себя за то, что разделяю его чувства.

Халли продолжает двигаться по залу – она смотрит и говорит.

– Она умеет контролировать металл с помощью магнитных полей. Магнетрон.

– Шепот.

– Тень.

– Магнетрон.

– Магнетрон.

Она проходит вдоль шеренги советников Мэйвена, без затруднений называя их способности. Мэйвен вопрошающе подается вперед, с детским любопытством склонив голову набок. Он внимательно наблюдает за Халли и почти не моргает. Многие думают, что без матери он глуп и не такой гениальный стратег, как его брат, так на что же он годится? Они забывают, что стратегия нужна не только на поле боя.

- Зрячий. Зрячий. Зрячий, - Халли поочередно указывает на бывших хозяев, а затем опускает руку.

Она сжимает и разжимает кулак, ожидая неизбежного недоверия.

- То есть твоя способность - ощущать чужие способности? - наконец спрашивает Мэйвен, подняв бровь.

- Да, ваше величество.

- Это нетрудно симитировать.

- Да, ваше величество, - признает она еще тише.

Это довольно легко, особенно для человека в ее положении. Она служит в Высоком Доме и часто бывает при дворе. Ей несложно запомнить, что умеют делать разные Серебряные... но как же Джон? Насколько я знаю, он прославился как первый новокровка, присоединившийся к Мэйвену, но многим ли известна его способность? Вряд ли Мэйвен хочет, чтобы окружающие думали, будто он полагается на советы человека с красной кровью.

- Продолжай, - говорит он, подняв темные брови.

И представление продолжается.

Халли повинуется и указывает нимф из Дома Озаноса, зеленых из Дома Велле, одинокого сильнорука Рамбоса. Одного за другим... но они одеты в цвета своих кланов, а она служанка. Она обязана все это знать. Ее способность - в лучшем случае фокус, в худшем - ложь и смертный приговор. Я знаю, Халли ощущает висящий у нее над головой меч, который приближается с каждой секундой.

В заднем ряду на ноги поднимается шелк из Дома Айрела, в красно-синих одеждах, и на ходу поправляет складки ткани. Я замечаю это только потому, что движется он странно, не так текуче, как нормальный шелк. Странно.

И Халли тоже его замечает. И вздрагивает.

На кону стоит жизнь.

- Она умеет менять лицо, - шепчет Халли, и ее палец дрожит в воздухе. - У вас нет названия для этой способности.

Перешептывания в зале смолкают.словно кто-то задул свечку. Наступает тишина, нарушаемая только лихорадочным стуком моего сердца. «Она умеет менять лицо».

Мое тело гудит от адреналина. «Беги! - мысленно кричу я. - Беги!»

Когда Стражи берут человека из Дома Айрела под руки и ведут к трону, я молюсь: «Пожалуйста, ошибись. Пожалуйста, ошибись».

- Я сын Дома Айрела, - рычит мужчина, пытаюсь вырваться из хватки Стражей.

Айрел запросто сделал бы это - с улыбкой вывернулся бы из их рук. Но он - или она - почему-то не может. И у меня обрывается сердце.

- Вы верите лживой Красной рабыне, а не МНЕ?

Самсон успевает отреагировать раньше Мэйвена. Он стремительно спускается с возвышения, и его яркие синие глаза ненасытно сверкают. Очевидно, кроме меня, ему нечем здесь питаться. Вскрикнув, мужчина из Дома Айрена падает на колени и опускает голову. Самсон вламывается в его сознание.

И тут волосы мужчины седеют и становятся короче. Появляется другая голова, с другим лицом.

Я чуть не ахаю. «Бабуля».

Женщина поднимает голову. Я вижу широко раскрытые, напуганные, хорошо знакомые глаза. Я помню, как забрала ее и привезла в Ущелье; помню, как она возилась с детьми-новокровками и рассказывала им сказки, словно собственным внукам. Сморщенная, как орех, старше нас всех, всегда готовая пойти в бой. Я бы подбежала и обняла ее, будь это каким-то чудом возможно.

Вместо этого я падаю на колени и хватаю Мэйвена за запястье. Я умоляю, как делала только раз до сих пор, с полной грудью пепла и холода, с головой, идущей кругом от несчастного крушения.

Платье рвется по шву. Оно не предназначено для коленопреклонений. В отличие от меня.

– Пожалуйста, Мэйвен. Не убивай ее, – прошу я, жадно хватая воздух и цепляясь за любую соломинку, лишь бы спасти Бабулю. – Она пригодится тебе, она очень полезна. Только посмотри, что она умеет..

Мэйвен отталкивает меня, коснувшись ладонью клейма.

– Она шпионит при моем дворе. А ты?

Но я продолжаю умолять, пока острый язычок Бабули не стал для нее смертным приговором. В кои-то веки я надеюсь, что камеры еще работают.

– Она была предана, обманута, Алая гвардия сбила ее с пути. Она не виновата!

Король не удосуживается встать, хотя прямо у его ног происходит убийство. Потому что ему страшно сойти с Молчаливого камня, принять решение вне пределов пустого спокойствия и безопасности.

– Военные законы просты. Со шпионами следует разделяться быстро.

– Если человек болен, кого винить? – настаиваю я. – Его тело или болезнь?

Он смотрит на меня, и я ощущаю пустоту внутри.

– Вيني лекарство, которое не сработало.

– Мэйвен, я тебя умоляю..

Не помню, в какой момент я начала плакать, но я, несомненно, плачу. Это постыдные слезы, ведь я плачу не только о Бабуле, но и о себе. Рухнула моя надежда спастись. Бабуля пришла ради меня. Она была моим шансом.

Перед глазами всё плывет и затуманивается. Самсон поднимает руку, готовясь погрузиться в мысли Бабули. Я в страхе задумываюсь, насколько губительным это окажется для Алой гвардии. Какой безрассудный поступок. Какой риск, какая трата сил.

– Восстаньте, алые как рассвет, – презрительно произносит Бабуля.

И меняется в последний раз. Возникает лицо, которое узнаем мы все.

Самсон, потрясенный, отступает на шаг, а Мэйвен издает сдавленный вскрик.

С пола на нас смотрит Элара – живой призрак. Ее лицо искажено, изуродовано молнией. Одного глаза нет, другой залит серебряной кровью. Губы искривлены в нечеловеческой усмешке. Я ощущаю дикий ужас, хотя знаю, что королева мертва. Я помню, что убила ее.

Это ловкий замысел – у Бабули есть секунда, чтобы поднести руку к губам. И глотнуть.

Я и раньше видела отравленные таблетки. Даже с закрытыми глазами, я знаю, что случится дальше.

Это лучше, чем то, что сделал бы Самсон. Бабулины секреты останутся нераскрытыми. Вовеки.

10. Мэра

Я раздираю все книжки, какие есть в комнате, на кусочки. Переплет рвется, страницы разлетаются – жаль, что они не истекают кровью. Жаль, что я не истекаю кровью. Бабуля умерла, потому что я выжила. Потому что я еще здесь – наживка в западне, приманка, которая нужна для того, чтобы выманить Алюю гвардию из укрытия.

После нескольких часов бесплодных разрушений я понимаю, что ошиблась. Алая гвардия не сделала бы этого. Ни полковник, ни Фарли. Во всяком случае, не ради меня.

– Кэл, ты идиот, – говорю я в пустоту.

Потому что, разумеется, это была его идея. Принца так учили. Победа любой ценой. Надеюсь, больше он не захочет платить за меня такую немислимую цену.

На улице снова идет снег. Но я не чувствую внешнего холода – только свой собственный.

Утром я просыпаюсь в постели, одетая по-вчерашнему, хотя совершенно не помню, как легла. Разорванные книжки исчезли – их тщательно вымели из моей жизни. Вплоть до мельчайших клочков бумаги. Но полки не пусты. Десяток переплетенных в кожу томов, старых и новых, заняли освободившиеся места. Меня охватывает желание уничтожить и их; я с трудом поднимаюсь на ноги и делаю рывок.

Первая книжка, которую я хватаю, оказывается потрепанной, в изношенном старом переплете. Наверное, он раньше был желтым, а может быть золотым. Какая разница? Я хватаюсь за пачку листов, намереваясь изорвать их на клочки.

Знакомый почерк заставляет меня застыть на месте. Мое сердце подпрыгивает.

«Собственность Джулиана Джейкоса».

У меня подгибаются ноги. Я мягко приземляюсь на пол и наклоняюсь над самой приятной вещью, какую видела за много недель. Мои пальцы касаются очертаний имени, и я мечтаю, чтобы Джулиан соскочил со страницы, чтобы его голос зазвучал не только в моей голове. Я перебираю страницы, ища еще каких-нибудь напоминаний о нем. Передо мной мелькают слова, и в каждом звучит знакомое тепло. История Норты, ее возникновение, триста лет правления Серебряных королей и королев несутся мимо. Некоторые абзацы подчеркнуты или снабжены пометками. Каждое новое проявление Джулиана заставляет мою грудь сжиматься от радости. Несмотря на свое положение, на болезненные шрамы, я улыбаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65344642&lfrom=362673004) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.